

Муретов М. Д. Очерки из новейшей истории экзегеза и критики Нового Завета: Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса»: (характеристика, изложение и критика) // Богословский вестник 1893. Т. 2. № 4. С. 46–110 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Эрнестъ Ренанъ и его жизнь Иисуса.

II.

Изложение.

(Продолженіе).

Христосъ родился и прожилъ годы своего дѣтства и юности въ Назаретѣ, маленькомъ городкѣ Галилейскомъ, не имѣвшемъ до Него никакой извѣстности. Городокъ пріютился въ извилинѣ равнины, широко открытой къ вершинѣ горной группы, замыкающей съ сѣвера долину Эздзелонскую. Тенершее населеніе около трехъ или четырехтысячное едвали могло значительно измѣниться. Зимой тамъ бываетъ большой холодъ, климатъ вообще очень здоровъ. Назаретъ, какъ и всѣ іудейскіе поселки той эпохи, былъ грудою простыхъ домиковъ, построенныхъ безъ вкуса. Онъ представлялъ тотъ сухой и бѣдный видъ, какой имѣютъ селенія въ Семитическихкихъ странахъ. Дома, какъ надо полагать, не отличались много отъ этихъ каменныхъ кубовъ, безъ изящества вѣшняго и внутренняго, которые нынѣ покрываютъ самыя богатія части Ливана и, терпясь въ виноградникахъ и фиговыхъ деревьяхъ, не представляютъ особенной прелести. Но окрестности города восхитительны, и никакая мѣстность міра не располагаетъ болѣе къ мечтамъ о безусловномъ счастьѣ. Даже въ наши дни, Назаретъ все еще уголокъ прелестный, единственное быть-можетъ мѣсто въ Палестинѣ, гдѣ душа ощущаетъ хоть нѣкоторое облегченіе отъ гнетущей ее тяжести среди безпригнрнаго заустѣнія. Туземцы любезны и привѣтливы; сады обилуютъ свѣжестью и зеленью. Антонинъ Мученикъ, въ концѣ VI вѣка, нарисовалъ восхитительную картину плодородія, окружающей Назаретъ, мѣстности, которую онъ сравниваетъ съ раемъ. Равнины, расположенныя на западной сторонѣ, вродѣ оправдываютъ это описаніе. Колодезь, гдѣ сосредоточивались вѣкогда жизнь и веселье маленькаго города, теперь уничтоженъ: его высѣченныя каналы даютъ уже только мутную воду. Но красота женщинъ, собравшихся тутъ вечеромъ, — та красота, которая была замѣчена даже въ VI вѣкѣ и въ которой видѣли даръ Дѣвы Маріи, до сейдъ сохраняется поразительнымъ образомъ. Это—Сирийскій типъ во всей прелести его жепственности и граціи. Безъ сомнѣнія Святая Дѣва Марія, съ водоносомъ на плечахъ, ежедневно ходила къ этому колодезю вмѣстѣ съ своими подругами и соотечественницами, оставшимися въ невзвѣстности. Антонинъ Мученикъ замѣчаетъ, что іудейскія женщины, непріязненная къ христіанамъ въ другихъ мѣстахъ, здѣсь напротивъ чрезвычайно привѣтливы. Даже и въ наше время религіозная нетерпимость въ Назаретѣ не такъ сильна, какъ въ другихъ мѣстахъ Палестины. Горизонтъ города тѣсенъ. Но если подняться немного и взойти на освѣжаемую постояннымъ ветеркомъ площадь, господствующую надъ самыми высокими домами, то откроется великолѣпный видъ.

На западѣ развѣртываются красивыя линіи Кармила, оканчивающіяся отвѣснымъ пикомъ, который будто опускается въ море. Далѣе виднѣется двойная вершина, которая господствуетъ надъ Магеддо, — горные кражи Синаяской страны съ ихъ священными мѣстами патриархальнаго времени, — горы Гельбоэ, маловѣкая живописная группа, съ которой соединяются то предстныя то ужасныя воспоминанія Сулема и Эндора, — Оаворъ въ своей красиво округленной формѣ, которую древность сравнивала съ грудью. Черезъ прорѣзъ между Сулемомъ и Оаворомъ видна долина Иорданская и высокія равнины Перей, которыя съ западной стороны образуютъ одну сплошную линію. На сѣверѣ горы Сафедекія, склоняясь къ морю, закрываютъ Сен-Жан-д'Акръ, но за то заливъ Кайфескій видно какъ на ладони. Таковъ горизонтъ Назарета. Этотъ восхитительный кругозоръ, колыбель царства Божія, представлялъ Христу міръ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Даже и вся Его жизнь мало выходила изъ границъ, родныхъ Ему съ дѣтства, Тутъ же, на сѣверной сторонѣ, можно разглядѣть Кесарію Филиппову, самый дальній пунктъ путешествій Христа по азычскимъ странамъ, а съ южной стороны, позади уже менѣе веселыхъ горъ Самарянскихъ, сейчасъ же ждемъ мрачную Іудею, высушенную какъ бы знойнымъ вѣтромъ абстракціи и смерти. Здѣсь, на этой почвѣ, гдѣ почи-ваетъ плотникъ Іосифъ и тысячи забытыхъ Назаритянъ, никогда не переступавшихъ за горизонтъ своей равнины, даже и современный мыслитель чувствуетъ себя болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ земли, расположеннымъ къ созерцанію дивнаго теченія человѣческихъ дѣлъ, къ утѣшенію себя въ ихъ превратности, къ увѣренности въ божественной дѣли, которой достигаетъ міръ черезъ тѣмъ пренятетивъ и не обладающую вездѣ суету суетъ. Здѣсь, на этой вершинѣ Назаретской горы, гдѣ и нынѣ никто не можетъ сидѣть безъ тревожнаго раздумья о своей судьбѣ, конечно перазъ сжививалъ и Христосъ. Свободный отъ эгоизма, источника всѣхъ нашихъ бѣдъ, Онъ думалъ тутъ великую думу о Своемъ дѣлѣ, о Своемъ племени, о человечествѣ, о дивныхъ судьбахъ міра и о Богѣ. Эти горы, это море, это глубокое небо, эти высокія равнины на горизонтѣ были для Него не грустными виднѣемъ души, вопрошающей природу о своей участи, но вѣрнымъ отраженіемъ, прозрачною тѣнью невидимаго міра и новыхъ небесъ. Здѣсь въ невинной душѣ Безгрѣшнаго Дятяи, Отрока и Юноши впервые возникъ зародышъ сладостной мечты о блаженствѣ бытія безусловномъ, жизне-радостный и спокойный взглядъ на Божій міръ. Здѣсь, созерцаи восхитительную панораму, Христосъ вдохновлялся глубокимъ религиознымъ чувствомъ и возкачалъ въ себѣ пламя сыновней любви къ Богу-Отцу, любви спокойной, радостной, уютельной. Изъ этого окна Христосъ смотрѣлъ на очаровательныя красоты міра, которыя развили Его эстетическое чувство и снабжали потомъ Его рѣчь плѣнительными образами и дивными сравненіями.

Назаретская гора была колыбелью поворожденнаго христіанства. Школою же его дальнѣйшаго развитія служила Галилея съ своимъ маленькимъ озеромъ и окрестною странною Генисарь.

Христосъ не учился книжной мудрости и не проходилъ школьной науки тогдашней. Онъ не изучалъ ни греческой философіи, ни тонкихъ схоластическихъ уствованій равниновъ. Идеи безсмертія, воскресенія, будущаго суда, новаго неба и новой земли, новаго Іерусалима, царства Божія, Мессіи, всемірнаго назначенія Израиля составляли раскленную атмосферу, которой дышала фантазія каждаго Еврея. Идеи эти не преподавались ни въ какой школѣ, онѣ носились въ воздухѣ, и съ самаго ранняго дѣтства проникнута была ими душа Христова. Это болѣе. Это были идеи общемировыя, всечеловѣческія. Политическія, общественныя, правственныя и другія неурядицы въ тогдашнемъ цивилизованномъ мірѣ длаютъ изъ Виргилія языческаго Исаію, и рожденіе избѣтнаго младенца повергаетъ его въ мечты о всеобщемъ возрожденіи. Подобныя темы и ожиданія были такъ обычны, что образовали какъ бы особый родъ литературы, названный по имени пророкиці Сивиллъ. Только что образовался имперія возбуждала воображеніе. Великая эра мира, въ кото-

рую тогда вступали и та впечатлительность меланхолическая, какая появляется послѣ долгихъ періодовъ революціи, вездѣ порождали надежды безграничныя. Въ Иудеѣ эти ожиданія достигаютъ своего апогея. Святые люди, въ роуѣ престарѣлаго Симеона и пророчицы Анны, всю жизнь проводили при храмѣ въ постѣ и молитвѣ, чтобы Господь не допустилъ имъ покинуть міръ сей, не увидавъ исполненія утѣхи Израиля. Чувствовалось народное чего-то великаго, приближеніе чего то неизвѣстнаго. Эта смѣсь ясновидѣнія и мечтанія, эта поперебѣдность надеждъ и разочарованій, эти безпрестанно повторяемые дыханія ненавистною дѣйствительностію нашли наконецъ своего толмача въ несравненномъ человѣкѣ, которому всеобщее сознаніе рѣшило дать имя Сына Божія, — и это со всею сираведливостію, такъ какъ Онъ совершилъ такой въ религіи шагъ, съ которымъ никакой другой не могъ и навѣрно никогда не сможетъ сравняться.

Но эти общечеловѣческія и специально-іудейскія надежды и идеи получили у Христа нѣкоторую своеобразную переработку и особенную окраску. Въ Своёмъ невинномъ сердцѣ и въ великой книгѣ Галилейской природы читаль Христосъ отвѣты на роковые вопросы, — отвѣты дивные, своеобразные, очаровательные и поразительно вѣрные.

Галилея, гдѣ провелъ Господь почти всю свою тридцати-трех-лѣтнюю жизнь, свою восхитительною природою способствовала образованію въ туземцахъ характера гораздо менѣе суроваго, чѣмъ у обитателей Иудеи, не столь, такъ сказать, терпко монотеистичнаго, который всѣ мечты Галилеи запечатлѣвалъ какимъ-то идиллическимъ, предестнымъ настроеніемъ. Окрестности Іерусалима представляютъ самую быть-можетъ угрюмую мѣстность въ мірѣ. Галилея напротивъ, вся въ зелени, вся въ тѣни, какъ рай земной, веселая и очаровательная, была по истинѣ странною вдохновенію и любви, завѣтнымъ краемъ Цѣсни Цѣсней. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ — Марта и Апрелья, поля ея представляютъ силошней коверъ цвѣтовъ, коихъ краски отличаются свѣжестью несравненной. Животныя тамъ малы, но чрезвычайно милы. Горлицы тоненькія и рѣзвыя; дрозды, сизые и такіе легкіе, что трава подъ ними какъ будто не колеблется; жаворонки хохлатые, которые садятся почти у самыхъ ногъ путника; маленькія черепахи въ ручьяхъ, съ съ глазами блестящими и кроткими: аисты съ видомъ застѣчивымъ и важнымъ безъ всякой робости подлетаютъ къ человѣку очень близко и, кажется, сами ищутъ его. Ни въ одной странѣ міра горы не развѣтываются съ большею стройностію и не внушаютъ болѣе высокія мысли. Исусъ, кажется, особенно любилъ ихъ. Самыя великія дѣянія Его божественнаго посланничества совершались на горахъ. Тамъ онъ всего болѣе вдохновлялся, тамъ велъ тайныя бесѣды съ древними пророками, тамъ же однажды предсталъ Онъ взору Своихъ учениковъ въ преображенномъ видѣ.

Эта прекрасная страна ставшая теперь, благодаря висенному исламу въ человѣческую жизнь обдѣвнью, столь угрюмою и печальною, но гдѣ все, ускользнувшее отъ разрушенія человѣческихъ рукъ, еще дышетъ изобиліемъ, пріятностію, нѣжностію, при жизни Христа, безъ сомнѣнія, была черезъ край переполнена благосостояніемъ и счастіемъ. Галилеяне слыли за людей энергичныхъ, храбрыхъ и трудолюбивыхъ. Исключая Тивериаду, построенную Антиною въ честь Тиверія въ Римскомъ стилѣ, Галилея не имѣла большихъ городовъ. Страна однако была густо заселена, покрыта маленькими городами и селами, искусно воздѣлана во всѣхъ частяхъ. По развалинамъ, оставшимся отъ ея прежняго блеска, чувствуешь, что тутъ жилъ народъ земледѣльческій, не знавшій наукъ, мало заботившійся о роскоши, безразлично относившійся къ красотамъ внѣшней формы, большой идеалистъ. Ея долины изобиловали свѣжею водою и полями: частыя усадьбы отѣнялись виноградниками и фигами; сады состояли изъ силошныхъ деревьевъ лимонныхъ, гранатовыхъ, померанцевыхъ. Вино, если судить по теперешнему выработываемому Иудеями въ Сафедѣ, было превосходное, и пили его вдоволь. Эта жизнь приволья и довольства, достигающихся безъ усиленной борьбы за существованіе и основанныхъ на непосредственныхъ дарахъ природы, однакожъ не вела Галилеянина къ

материализму, къ грубой радости земледѣльцевъ Нормандскихъ или къ тяжелой веселости Фламандцевъ. Она одухотворялась тамъ эфирными мечтами; нѣкотораго рода поэтическимъ мистицизмомъ, соединявшимъ небо и землю. Обиліе даровъ природы заставляло Галилеянина мало цѣнить богатство и комфортъ цивилизованной жизни. Зачѣмъ дворцы, золото, украшения? Пріютъ вездѣ—въ саду, на полѣ, на горѣ. Излишнимъ считалось здѣсь щегольство въ домѣ, гдѣ мало и живутъ. Мелкія прикрасы и роскошь здѣсь казались ничтожными въ сравненіи съ наслажденіемъ самою жизнью. Сочная и регулярная пища нашихъ скупыхъ климатовъ тутъ была бы тяжелою и непріятною. А что до роскоши въ одеждѣ, то что же сравнится съ тѣмъ великолѣпнѣмъ, въ какое облекъ Богъ небо и землю? Посреди такой природы послѣдовательный и изнурительный трудъ кажется безполезнымъ; онъ менѣе дастъ нежели чего стоитъ самъ. Не знали здѣсь и той односторонне-суровой серьезности въ нравственномъ отношеніи, какъ въ Иудеѣ и Иерусалимѣ. Галилеянинъ жилъ полною жизнью природы, не питая никакихъ зловѣщихъ призраковъ. Полный неподдѣльнаго счастья, онъ мило и снисходительно смотрѣлъ на религіозныя распри и на разные грѣшки. Вся жизнь его слагалась въ милую, наивную и здоровую идиллію. Жизнь для Галилеянина, это рай земной, непрестанный и беззаботный пиръ, на которомъ всѣ между собою братья, потому что всѣ не имѣютъ ничего своего, всѣмъ одинаково доступно чистое наслажденіе дарами Бога и радостное пользованіе благами природы, всѣмъ открыты свободныя врата въ эту жизнь мира, счастья и блаженства.

Въ такой средѣ возросъ Христосъ. Съ дѣтства Онъ, изъ года въ годъ, совершалъ путешествія въ Иерусалимъ на праздники. Хожденіе на богомолье въ Иерусалимъ для провинціальныхъ Иудеевъ было торжествомъ, полнымъ пріятности. Цѣлыя отдѣлы псалмовъ были назначены для пѣнія во время этого пути. Эти путешествія, во время которыхъ въ народѣ совершался взаимный обмѣнъ идей и которыя почти всегда бывали очагами великихъ движеній, ставили Христа въ общеніе съ самою душою Его народа и, безъ сомнѣнія, уже тогда внушали Ему сильное отвращеніе къ недостаткамъ представителей официальной иудаизма. Думали, что съ ранняго времени пустыня была для Него второю школою и Онъ по долгу живаль въ ней. Но Богъ, Котораго Онъ находилъ тамъ, не былъ Его Богомъ. Это былъ преимущественно Богъ Іакова, суровый и страшный, который не щадишь никого. Иногда сатана являлся искушать Его. Тогда Онъ возвращался въ Свою дорогую Галилею и снова обрѣталъ тутъ Своего Отца Небеснаго, посреди зеленыхъ холмовъ и прозрачныхъ источниковъ, между толпами дѣтей и женщинъ, которая съ радостною душою и ангельскою пѣснью въ сердце ожидали спасеніе Израиля.

Первыя поученія Христа, Его взгляды на Бога, идея царства Божія служили какъ этавукомъ дивной гармоніи жизни Галилейской въ чистой душѣ Безгрѣшнаго Учителя. Богъ Иисуса чуждъ всѣхъ мертвыхъ, схоластическихъ опредѣленій тогдашняго Иудейскаго деизма школьнаго. Его ученіе есть богословіе любви, которое неизвѣстно ни иудаизму ни мусульманству. Богъ Иисуса не есть тотъ роковой Владыка, который умерщвляетъ насъ, когда это Ему угодно, — и спасаетъ насъ когда восхоцетъ. Богъ Иисуса есть Отецъ нашъ; Ему мы внимаемъ, слыша легкой вздохъ нашей груди, зывающей въ насъ: „Авва—Отче“. Это—не тотъ пристрастный деспотъ, который, по ученію тогдашнихъ раввиновъ, избралъ Израиля своимъ народомъ и покровительствуетъ ему предъ всѣми и противъ всѣхъ. Это—Богъ человѣчества. Семитическія религіи вообще не философичны до послѣдней возможности; Моисей и Магометъ не были созерцательными мыслителями; это были люди дѣла. Также и Христосъ не былъ теологомъ въ школьномъ смыслѣ или философомъ съ болѣе или менѣе сложною системою. Быть ученикомъ Христа—для сего не надо было ни подписываться подъ какиъ-либо обрядникомъ, ни произносить какое-либо исповѣданіе вѣры. Требовалось лишь одно: прилѣпиться къ Нему, Его полюбить. Онъ никогда не спорилъ о Богѣ, ибо Онъ просто и непосредственно ощущалъ Его въ Себѣ. Црепны метафизическихъ тонкостей, съ которыми встрѣ-

тилось христіанство съ 3-го вѣка, отсюда не были положены его Основателемъ. Іисусъ не имѣлъ ни догмы, ни системы, но одно только твердое личное рѣшеніе, которое, вслѣдствіе преобладанія надъ всякою другою тварною волею, и до сего часа направляетъ человѣчество въ его значенію.

Богъ Христа есть вселюбящій Отецъ всего человѣчества и всего міра. Съ нимъ Іисусъ не будетъ ни узкимъ патриотомъ какъ Маккавей, ни фанатичнымъ теократомъ какъ Іуда Гавлонитянинъ. Смѣло возвышаясь надъ предрасудками своей народности, Онъ осуждетъ всеотечество Бога. Гавлонитянинъ утверждалъ, что лучше умереть чѣмъ давать имя „владыки“ кому-либо кромѣ Бога. Христосъ представляетъ это названіе кому угодно и сохраняетъ для Бога болѣе ответственное и утѣшительное имя „Отца“. Оказывая сильнымъ земли и представителямъ власти уваженіе исполненное нѣкоторой ироніи, Онъ утверждаетъ высшую утѣху, открываетъ убожше отъ Отца, Котораго всякій имѣетъ на небѣ, и основываетъ истинное царство Божіе, которое каждый носитъ въ своемъ сердцѣ. Пусть строгіе законники и фарисеи для умилостивленія Грознаго Судіи терзаютъ себя изнурительными постами.. Пусть суровый Іоаннъ Креститель въ своей Іудейской пустынѣ проповѣдуетъ покаяніе, постъ и плачъ о грѣхахъ; пусть гремитъ онъ своимъ словомъ чадъ вѣка сего, питаясь саранчею и живя съ лаякалами... Развѣ други Жениха постятся, когда Женихъ съ ними? Радость должна быть удѣломъ царства Божія. Не есть ли она, эта радость, дочь смиренныхъ сердцемъ, людей съ доброю волею? Кроткіе сыны царства Божія должны видѣть въ Богѣ вселюбящаго Отца, Который любящимъ окомъ взираетъ съ неба, когда Его земные дѣти веселятся радостью невинною, безъ всякой тѣни болѣзненнаго эгоизма и мучительной зависти. Не тѣ счастливы, кто всю жизнь копить тлѣнныя сокровища, лишая себя самыхъ законныхъ радостей жизни, чтобы эти сокровища достались потомъ ржавчинѣ и тлѣнію; но тѣ, кому нечего терять, ничего беречь, не зачѣмъ проводить безсонныя ночи, кто безъ труда и заботъ пользуется всѣми дарами роскоши природной, несравненно превосходящей. Богачи заботятся о роскошной одеждѣ, но взгляните на полевую лилію царскую: она самою природою убрана такъ, какъ не одѣвался даже и Соломонъ въ своей славіи. Богачи хлопочутъ о завтрашнемъ днѣ и о сооруженіи житницъ, но посмотрите на птицъ небесныхъ: онѣ ни жуютъ, ни сѣютъ, ни строятъ кладовыхъ, и однакожъ питаются отборнымъ зерномъ. Итъ, не во внѣшнихъ благахъ царство Божіе, оно въ самомъ человѣкѣ, въ его чистомъ сердцѣ. Нечего ждуть видимаго пришествія его и готовиться къ нему постомъ и покаяніемъ (?). Сокровище это всегда находится во власти человѣка: надо только радостно смотрѣть на Божій міръ и безмятежно пить жизнь полною чашею.

Какъ и всѣ равнины того времени, Іисусъ не употреблялъ послѣдовательной цѣни логическихъ доказательствъ. Онъ выражалъ свое ученіе въ изреченіяхъ краткихъ, сосредоточенныхъ, выразительныхъ. Нѣкоторыя Его правила взяты изъ Ветхаго Завета, другія обращались въ народъ какъ притчи отцовъ. Синагога вообще была богата правилами, удачно выраженными въ видѣ притчей, которыя образовали особый родъ литературы. Усвоивъ ихъ, Христосъ однакожъ проникалъ ихъ высшимъ духомъ. Возвышаясь надъ закономъ, какъ онъ тогда толковался у книжниковъ, и надъ древними, Онъ желалъ совершенства. Всѣ добродѣтели смиренія, милости, любви, самоотверженія, строгости къ самому себѣ; всѣ тѣ добродѣтели, которыя по справедливости называются христіанскими, въ зародкѣ были извѣстны ранѣе и существовали въ Ветхомъ Заветѣ, но Христосъ возвелъ ихъ къ высшей идеѣ и одухотворилъ новымъ началомъ. Если въ отношеніи правосудія довольствовались извѣстнымъ и общераспространеннымъ правиломъ: не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ, то эта древняя мудрость оказывалась все-таки еще довольно эгоистичною, и потому Христосъ говорилъ: кто ударитъ тебя въ правую щеку, обрати ему и другую; если кто захочетъ судиться съ тобою изъ-за рубашки, отдай ему и верхнюю одежду; если правый глазъ твой соблазняетъ тебя,

вырви его и брось отъ себя; любите враговъ вашихъ, благотворите ненавидящимъ васъ, молитесь за своихъ преслѣдователей; не судите, и вы не будете судимы; прощайте, и вамъ простятъ; будьте милосерды какъ Отецъ вашъ небесный милосердъ; давать блаженнѣе чѣмъ получать; унижающій себя возвысится и возвышающійся унижится. Касательно милостыни, состраданія, добрыхъ дѣлъ, кротости, миролюбія Онъ не многое могъ прибавить къ синагогальному ученію. Но Онъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники, могъ сообщить этимъ требованіямъ нравственной природы человѣка особую силу, исполненную благодати, которая дѣлала новыми давнишніе афоризмы. И это потому, что нравственность не состоитъ изъ отвлеченныхъ только принциповъ, болѣе или менѣе хорошо выраженныхъ,—позсія правила, которая заставляетъ его любить, значить больше чѣмъ само правило, взятое какъ отвлеченная истина. Вотъ почему евангельское правоученіе, не смотря на нѣкоторое сходство съ общечеловѣческимъ морально, остается всетаки совершенно новымъ и наивысочайшимъ твореніемъ, какое когда-либо выходило изъ человѣческой совѣсти; наилучшимъ кодексомъ современной жизни, какого не начерталъ ни одинъ моралистъ.

Христосъ не говорилъ противъ закона, но, очевидно, Онъ видѣлъ его недостаточность и давалъ это понимать, повторяя часто, что требуется больше, чѣмъ сказано было древнимъ. Такъ Онъ запрещалъ всякое бранное слово, разводъ, клятву, возмездіе, ростовщичество, любостыжательность, предлюбодѣяніе и проч. Побудомъ этихъ правилъ служить у Него упокоеніе человѣка своему небесному Отцу: да будете сынами Отца вашего небеснаго, Который повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми; если вы любите только тѣхъ, кто любитъ васъ, то какая вамъ награда? тоже и мытари дѣлаютъ: если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, то что же особенное дѣлаете? то же дѣлаютъ и язычники; будьте совершенны какъ совершенъ вашъ Отецъ небесный.

Богослуженіе чистое, религія безъ священниковъ и безъ внѣшнихъ священнодѣйствій, всецѣло основывающаяся на внутреннихъ чувствахъ сердца, на богоугодности, на непосредственномъ общеніи совѣсти съ Отцомъ Небеснымъ: таковъ былъ прямой выводъ изъ этихъ началъ, поставившій потомъ Христа въ столкновение съ официальнымъ иудизмомъ и сдѣлавшій Его въ глазахъ священниковъ и книжниковъ противникомъ закона Моисеева, разрушителемъ храма и богослуженія. Для чего посредники между Богомъ и человѣкомъ? Если Богъ смотритъ только на чистоту сердца, то зачѣмъ эти очищенія, всѣ эти обряды, которые касаются только тѣла? Даже преданіе, какъ оно ни было свято для Иудей, есть ничто въ сравненіи съ чистымъ сердцемъ. Лицемеріе фарисеевъ, которые во время молитвы поворачивали голову, чтобы видѣть, смотрятъ ли на нихъ, которые раздавали милостыню съ трескомъ, носили на своихъ одеждахъ значки, служившіе вывѣскою ихъ благочестія: все это жеманствопустосвятость возмущало Его. Они получили изду свою, говорилъ Онъ: ты же, когда творишь милостыню, пусть лѣвая рука твоя не знаетъ, что дѣлаетъ правая, такъ чтобы милостыня твоя осталась въ тайнѣ, и тогда Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ за нее. И когда молишься, не будь какъ лицемеры, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ, останавливаясь, молиться, чтобы показаться предъ людьми. Истинно говорю, они уже получаютъ награду свою. Ты же, если хочешь помолиться, войди въ кѣлѣ твою, запри дверь и молись Отцу твоему, который въ тайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, услышитъ тебя. А когда молишься, не говори лишняго какъ язычники, которые думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны. Богъ Отецъ твой знаетъ, въ чемъ имѣешь ты нужду, прежде твоего прошенія у Него.

Христосъ не носилъ никакихъ внѣшнихъ знаковъ аскетизма, довольствуясь тѣмъ, что молился, или размышлялъ на горахъ и въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ всегда человѣкъ искалъ Бога. Выраженіемъ такихъ высокихъ отношеній человѣка къ Богу, къ которымъ души человѣческія, даже долго послѣ Христа, оказались столь мало способными, служить Его мо-

литва, данная ученикамъ: Отче нашъ... Христось, какъ и пророкъ Исаія, Иисусъ сынъ Сираховъ, Гиллель, Филонъ, Иогананъ и др. ставилъ нравственность выше обряда, внутреннюю чистоту сердца выше вѣдшихъ формъ набожности, правду, судъ, милость и вѣру выше жертвы... Но только одинъ Христось могъ научить этому какъ власть имѣющій и только Его слово было живо и дѣйствительно, проникая до раздѣленія души и духа и судя помышления сердца. Поэтому онъ положилъ камень вѣчный, основаніе истинной религіи и, если религія есть ичѣто существовавшее для человечества, Онъ имѣеть полное право на божественное достоинство.

Эти истины, долго зрѣвшія въ одинокой груди Молодаго Назаретянина, Христось сталъ наконецъ въ видѣ уроковъ преподавать ближайшимъ къ Себѣ лицамъ. Маленькія общины и школы во главѣ съ вождемъ и учителемъ были совершенно въ духѣ того времени. Писали вообще очень мало, учителя того времени не составляли книги, ученіе заключалось въ бесѣдахъ и публичныхъ урокахъ, которымъ старалась придать видъ, удобный для быстрого и легкаго запоминанія. День, въ который Молодой Плотникъ Назаретскій началъ сообщать другимъ вселенскую истину, долженствовавшую возродить міръ, не представляла поэтому ничего выдающагося. Это было совершенно въ духѣ времени. Вокругъ Новаго Проловѣдника сосредоточилось нѣсколько юныхъ учениковъ, съ увлеченіемъ внимавшихъ Ему и стремившихся къ достиженію невѣдомыхъ тайнъ. Рѣчь Молодаго Плотника отличалась увлекательностію, властностію. Она дышала поэзіей Галилейской природы и благоуханіемъ полей. Иногда Его ~~слова~~ отличались необычайною тонкостью ума или, какъ это называется ~~иногда~~, остроуміемъ. Иногда увлекательность и властность слова Иисусова зависела отъ употребленія народныхъ пословицъ (На прим. Мѣ. 7, 4—51). Цѣлительный характеръ Молодаго Учителя, Его кротость, незлобность, благодать и любовь ко всему и всему, Его увлекательная рѣчь, — а также, безъ сомнѣнія, одно изъ тѣхъ прелестныхъ лицъ, которыми иногда встрѣчаются въ іудейской расѣ — образовывали вокругъ Него какъ бы завѣдную кружку, котораго никто не могъ избѣжать въ средѣ этого наивнаго, добродушнаго и кроткаго населенія Галилейскаго. Изъ устъ Молодаго Пророка оно слышало таинственный лепетъ своихъ горъ, долинъ и полей, оно внимало въ нихъ завѣтнымъ голосомъ своего же собственнаго сердца, восторгалось своими же мечтами и надеждами... Прелесть безконечная исходила изъ личности Назаретскаго Учителя, такъ что знавшіе Его прежде, теперь уже не узнавали Его. Правда, Онъ не имѣлъ еще учениковъ въ собственномъ смыслѣ, и толпа послѣдователей, тѣснившихся около Него, еще не была ни сектою, ни школою, ни общиною; но уже и тогда чувствовался среди почитателей Христовыхъ нѣкоторый общій духъ, который создастъ потомъ христіанство и всемірное царство любви, правды и смиренія.

Такимъ характеромъ отличалась Галилейская колыбель первохристіанства. Кроткій, вселюбящій, властно-увлекательный Иисусъ, Основатель царства Божія, царства кроткихъ и смиренныхъ — таковъ Иисусъ первыйхъ дней, — тѣхъ чистыхъ и невинныхъ дней, когда голосъ Его Отца раздавался въ Его груди чистымъ отзвукомъ. Было тогда нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ годъ, когда Богъ истинно обиталъ на землѣ.

Рай и въ самомъ дѣлѣ былъ перенесенъ на землю, если бы идеи Молодаго Наставника не выходили слишкомъ далеко изъ уронія той посредственности нравственной, надъ которой человеческій родъ до сего не смогъ подняться. Въ то время еще не было христіанъ, но истинное христіанство уже было основано Имъ, безъ сомнѣнія, оно никогда не было болѣе совершенно, какъ въ этотъ первый моментъ. Все дальнѣйшее было только пониженіемъ этого идеальнаго уровня, и притомъ роковымъ и необходимымъ, ибо всякая идея для жизнечности своей и практическаго успѣха имѣеть нужду въ жертвахъ. Не возможно никогда выйти чистымъ изъ борьбы жизни (?). И въ самомъ дѣлѣ: недостаточно понимать доброе, надо дать ему успѣхъ среди людей. А для этого уже необходимы *меньше истые пути* (?). Конечно, если бы Евангеліе ограничивалось нѣско-

кими главами Матея и Луки, оно было бы болѣе совершенно (?) и не вызывало бы столько возраженій. *Но безъ чудесъ былъ ли бы обрушенъ міръ?* Если бы Христосъ умеръ въ этотъ моментъ, Онъ не имѣлъ бы въ Своей жизни такой страницы, которая намъ (т. е. Ренану и ему подобнымъ) не нравится. Но, болѣе великій (?) въ очахъ Вожіихъ, Онъ остался бы не извѣстенъ людямъ; Онъ затерялся бы въ толпѣ великихъ, но безвѣстныхъ душъ, наилучшихъ изъ всѣхъ; истина не была бы обнародована и міръ не воспользовался бы безпредѣльными нравственными пренесходствомъ, которое далъ Ему Его Отецъ. Иисусъ Сираховъ, Гиллель, Филонъ и др. дали много изреченій почти столь же возвышенныхъ какъ и Христовы. Гиллель и Филонъ однако никогда и никто не признаетъ за истинныхъ основателей христіанства. Въ нравственности какъ и въ искусствѣ *сказать* ничего не значить, — и все — *сдѣлать*. Идея, скрывающаяся подъ картиною Рафаэля, имѣетъ мало значенія, — вся суть заключается въ самой только картинѣ. Тоже и въ нравственности: истина имѣетъ тутъ силу и значеніе только тогда, когда она переходитъ въ состояніе чувства и переживается сердцемъ, когда осуществляется въ міръ въ состояніи дѣла. Люди посредственной нравственности написали весьма хорошія правила. Съ другой стороны, люди очень добродѣтельные ничего не сдѣлали, чтобы продолжить въ міръ преданіе добродѣтели. Пальма Тому, Кто былъ мощенъ въ словѣ и дѣлѣ, Кто перечувствовалъ добро и иѣною Своей крови далъ ему торжество. Иисусъ, съ этой двойкой точки зрѣнія, выше всякаго сравненія. Его слава сохраняется доселѣ и всегда будетъ возобновляться снова...

Вредно отозвалось, прежде всего, вліяніе Іоанна Крестителя, содѣйствовавшего превращенію Христа изъ учителя чистой нравственности въ основателя секты. Слова о молодомъ аскетѣ, горѣвшемъ огнемъ ревности по Богу, разнеслась по Палестинѣ въ то время, когда Христосъ сталъ открыто проповѣдывать свое ученіе. Іоаннъ былъ священническаго рода и родился въ Іудѣѣ близъ Хеврона, расположеннаго въ двухъ шагахъ отъ Іудейской пустыни и въ нѣсколькихъ часахъ отъ великой Аравійской пустыни, и бывшаго оплотомъ семитизма въ его самой суровой формѣ, каковымъ онъ остается до днесь. Съ дѣтства Іоаннъ былъ назареемъ, т. е. постникомъ и подвижникомъ. Пустыня, которую онъ былъ такъ-сказать окруженъ, привлекла его къ себѣ съ ранняго возраста. Онъ проводилъ тамъ жизнь отшельника, одѣваясь въ верблюжью шкуру или ткань изъ верблюжьей шерсти и питаясь саранчею и дикимъ медомъ. Иѣкоторое число учениковъ собралось вокругъ него, раздѣляя его жизнь и размышляя надъ его суровыми рѣчами. Съ того времени какъ Іудейскій народъ сталъ съ иѣкоторымъ отчаяніемъ взирать на свою судьбу, его воображеніе съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ уносилось къ древнимъ пророкамъ. Но изъ всѣхъ личностей прошлаго, о которомъ воспоминаніе какъ сновидѣніе тревожной noci будило и волновало народъ, самую великою былъ Ілія. Этотъ исполнить пророковъ въ своемъ суровомъ уединеніи Кармила, подобно дикимъ звѣрямъ живя въ щеляхъ скалъ, откуда онъ к. къ молнія появлялся для того, чтобы ставить и низвергать царей, — сдѣлался, благодаря послѣдовательнымъ преобразованіямъ, существомъ въ нѣкоторомъ родѣ вышечеловѣческимъ, то видимымъ то невидимымъ, который не вкусилъ смерти. Вѣрили, что Ілія придетъ обратно и устроить Израиль. Суровая жизнь, какую онъ велъ, — страшныя воспоминанія, которыя онъ оставилъ и подѣ впечатлѣніемъ которыхъ Востокъ живетъ еще и доселѣ, — этотъ мрачный образъ еще и доселѣ возбуждающій трепетъ и нещадно ужасывающій, — все эти исполненные ужасовъ рассказы сильно поражали умы и такъ или иначе впечатлѣвались на всѣхъ порожденіяхъ на родныхъ. Всякій, кто горѣлъ желаніемъ имѣть вліяніе на народъ, долженъ былъ подражать Ілію, — и какъ отшельническая жизнь была существенною чертою этого пророка, то привыкли представлять „Человѣка Божія“ пустынникомъ. Думали, что всѣ святые проводили свои дни въ покаяніи, пустынножителствѣ, въ суровыхъ подвигахъ. Удаленіе въ пустыню такимъ образомъ стало условіемъ и предвареніемъ высокаго на-

значенія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта мысль о подражаніи Иліѣ много занимала Іоанна. Отшельническая жизнь въ то время уже со всѣхъ сторонъ наводнила Іудею въ лицѣ ессеевъ или еранепетовъ, которыхъ главнымъ очагомъ были восточные берега Мертваго Моря, недалеко отъ пустыни Крестителя, и которые имѣли своихъ представителей по всѣмъ мѣстамъ Палестины. Для вступленія въ свое общество Предтеча установилъ общепотребительный тогда и у ессеевъ и у Іудеевъ для прозлітовъ символъ—крещеніе водою. Народъ считалъ Іоанна пророкомъ, и нѣкоторые думали, что это Ілія или Моисей или даже самъ Мессія. Священники и книжники, враждебно относившіеся къ этому возрожденію пророчества и всегдашніе враги энтузіастовъ, презирали его. Но извѣстность пророка въ народѣ внушительно дѣйствовала на нихъ и они не осмѣливались говорить противъ него. Это была побѣда, которую народное чувство одержало надъ священническою аристократіею. Крещеніе у Іоанна было только внѣшнимъ дѣйствіемъ для большаго впечатлѣнія и для приготовленія сердець къ какому-то великому движенію. Безъ сомнѣнія это были главнымъ образомъ мессіанскія ожиданія. „Покайтесь, ибо приблизилось царство Божіе“, говорилъ Креститель. Онъ воззвщалъ „великій гнѣвъ“, и что сѣкира уже при корнѣ дерева, которое будетъ срублено и брошено въ огонь. Онъ представлялъ Мессію съ лопатою въ рукѣ, собирающимъ зерно и сжигающимъ мякину. Съ великою силою онъ проповѣдывалъ противъ тѣхъ же самыхъ противниковъ, какъ и Христосъ, противъ богачей, священниковъ, фарисеевъ, книжниковъ, однимъ словомъ противъ официального іудаизма, и, какъ и Христосъ, Онъ болѣе всего былъ принятъ низшими классами населенія. Въ ничто онъ обращалъ титулъ „Чадо Авраамовыхъ“ и говорилъ, что Богъ могъ бы создать дѣтей Аврааму изъ камней дорожныхъ. Безъ сомнѣнія, въ зародышѣ онъ имѣлъ и идею чистой религіи, составившую торжество Христа... Общій тонъ его рѣчи былъ строгъ и суровъ. Выраженія, которыя онъ употреблялъ противъ своихъ противниковъ, казались чрезвычайно сильными. Это было постоянное и рѣзкое обличеніе. Его ученики вели жизнь строгую, постились часто и имѣли видъ скорбный и подвижническій.

Слава о Крестителѣ дошла и до Галилеи, и Христосъ, вмѣстѣ съ другими Іудеями, крестился у Іоанна. Сходство идей, единство надеждъ, симпатій и антипатій, наконецъ сверстничество по возрасту сблизили молодыхъ энтузіастовъ и соединили ихъ узлами дружбы, хотя по своему характеру Предтеча представлялъ полную противоположность Христу.

Главенство въ этой дружбѣ, по мнѣнію Ренана, принадлежало Крестителю, коего могучая личность на первое время подчинила себѣ краткаго Галилейскаго Проповѣдника блаженства чистой правденности. И это вліяніе на Христа (конечно мнимое) не было благотворно. Оно (будто-бы) было задержкою въ развитіи Его ученія и въ ходѣ Его дѣла. Все заставляетъ думать, что Христосъ, когда пришелъ на берега Іордана, имѣлъ идеи возвышеннѣе Іоанновыя... По заключеніе Крестителя въ темницу и цодѣдовавшая затѣмъ его казнь освободили Христа отъ этого вліянія и представили Его опять Самому Себѣ. Это вліяніе особенно сказалось на усвоенномъ Имъ отъ Предтечи способѣ проповѣдывать и дѣйствовать на народъ. Съ этого времени Христосъ проповѣдуетъ Свои идеи народу гораздо настойчивѣе и какъ власть имѣющій. Во время Его пребыванія въ Іудеѣ, вблизи Крестителя, окончательно (будто бы) созрѣла въ Немъ идея „Царства Божія“. Отнынѣ—это „благовѣстіе или евангеліе“ о томъ, что царство Божіе приблизилось. Христосъ уже перестаетъ быть кроткимъ и снисходительнымъ моралистомъ, стремящимся заключить въ нѣсколько живыхъ и краткихъ изреченій возвышенные уроки правденности; Онъ становится *трансцендентальнымъ преобразователемъ* (?), задумавшимъ обновить міръ въ самой его основѣ и осуществить на землѣ (?) сознанный Имъ идеалъ. Ожидать царство Божіе теперь въ устахъ Христа значить тоже, что быть Его ученикомъ. Это слово „царство Божіе“ или „царство небесное“ уже давно было знакомо Іудеямъ, но Христосъ далъ ему новый, правденный смыслъ. Въ мірѣ, какъ онъ есть, царить зло.

Сатана есть „князь міра сего“, и все ему повинуются. Цари избиваютъ пророковъ. Священники и книжники сами не исполняютъ того, что велѣтъ дѣлать другимъ. Праведники преслѣдуются, и плачь оказывается единственнымъ удѣломъ людей добрыхъ. Міръ есть супостатъ Бога и святыхъ Его. Но Богъ возстанетъ и воздастъ за святыхъ Своихъ. Этотъ день приближается, ибо мѣра мерзости переполнилась. Наступаетъ очередь царства добра. Открытіе этого царства совершится вдругъ, въ видѣ великаго переворота. Все въ мірѣ приметъ противоположный теперешнему порядокъ. Первые будутъ послѣдними. Теперь добро и зло перемѣшаны какъ плевелы и пшеница на полѣ. Хозяинъ оставлетъ ихъ расти вмѣстѣ. Но наступитъ часъ ихъ раздѣленія. Царство Божіе будетъ подобно неводу, захватывающему хорошую и плохую рыбу; первую берутъ, вторую бросаютъ. Начало этого великаго переворота будетъ незамѣтно, подобно горчичному зерну, самому малому изъ семянъ, но разрастающемуся въ дерево, подъ листву котораго пристають птицы,—или какъ зазвѣствующая тѣсто вскипать.

Кто же будетъ основателемъ этого царства? Первою и всегдашнюю мыслью Христа, съ самаго ранняго Его дѣтства, было, что Онъ есть Сынъ Бога, довѣренный Своего Отца, совершитель Его веленій. Потому для Него не могло быть никакихъ сомнѣній въ отвѣтъ на такой вопросъ. Убѣжденіе, что Онъ оснуетъ царство Богу, овладѣло Его душею всецѣло. Онъ смотрѣлъ на Себя какъ на всемірнаго преобразователя. Небо, земля, вся природа, болѣзнь, смерть суть только орудія для Него. Онъ считаетъ Себя всемогущимъ. Если земля не подается на такое преобразование, то она будетъ обращена въ пыль, очищена огнемъ и дуновеніемъ Бога. Тогда создадутся новыя небеса и весь міръ будетъ населенъ ангелами Божіими. Коренное преобразование, которое бы охватило даже самую природу—такова была основная мысль Христа.

Но это не было политическимъ преобразованиемъ. Христосъ никогда не думалъ поднимать возмущеніе противъ Римлянъ и тетрарховъ. Его свобода и правда не отъ міра сего. Презиралъ міръ и его зло, Онъ нашелъ убѣжище въ Своемъ идеальномъ царствѣ; Онъ основалъ великую *доктрину трансцендентальнаго презрѣнія* (?), истинное ученіе о свободѣ душъ, которая одна только даетъ міръ. Преобразование, каковаго Онъ желалъ, было собственно нравственное: Его царство есть не отъ міра сего. Это — царство духа, доктрина свободы душъ. Онъ желаетъ отреченія отъ богатства и власти, но отнюдь не отъ обладанія ими. Онъ предсказалъ Своимъ ученикамъ гоненія и казни, но ни разу Его мысль не останавливалась на вооруженномъ сопротивленіи. Идеи терпѣнія и покорности, торжества чистоты сердечной, составляютъ основную особенность ученія Христа. Все, что высоко для людей, есть мерзость въ очахъ Бога. Основатели царства Божія, поэтому, будутъ простецы. Не богачи, не ученые, не священники; но женщины, люди изъ народа, смиренные и униженные, малые. Великимъ знаменіемъ Мессіи служить „благовѣстіе нищимъ“. Міръ Ему не повѣритъ, міръ убьетъ Его. Но Его ученики будутъ не отъ міра. Это—малое стадо кроткихъ и смиренныхъ, которое одержитъ побѣду своимъ смиреніемъ.

! Доселѣ Христосъ сообщалъ Свои мысли только тайно и нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ. Теперь по возвращеніи отъ Іоанна изъ Іудеи, Онъ проповѣдуетъ всенародно и смѣло „благовѣстіе царства Божія“, называя себя основателемъ этого царства, „Сыномъ Человѣческимъ“. Успѣхъ былъ полный. Толпы мужчинъ и женщинъ, запечатлѣнныхъ единымъ духомъ юношеской чистоты и наивной невинности, постоянно слѣдовали за Нимъ, внимали Ему и говорили: „Ты Мессія“. Средоточіемъ дѣятельности Иисуса въ эту эпоху Его жизни былъ небольшой городъ Капернаумъ, расположенный на берегу Генисаретскаго озера. Когда Назаретяне изгнали Христа, ибо „пророкъ не пріемлется въ отечествѣ своемъ“, Капернаумъ сдѣлался Его вторымъ отечествомъ, гдѣ по субботамъ Онъ пользовался правомъ чтенія и объясненія Библии для проповѣди Своего ученія. Такъ какъ въ Галилеѣ было мало фарисеевъ, то

возраженія и споры съ Нимъ не доходили до такой силы и остроты, какъ въ Иерусалимѣ. Эти добрыя Галилеяне никогда еще не слышали слова болѣе соотвѣтствующаго ихъ благодушному настроенію. Ему внимали съ удивленіемъ и Его слова принимали какъ вѣнерекаемую истину. Самыя трудныя вопросы и недоумѣнія Онъ рѣшалъ властно и съ неопровержимой убѣдительностію. Предельность Его слова и Его личности пѣняла народъ, между тѣмъ какъ педантизмъ сухихъ книжниковъ отталкивалъ его.

Вліяніе Молодаго Учителя росло съ каждымъ днемъ; и, естественно, чѣмъ болѣе вѣрили Ему, тѣмъ болѣе Онъ вѣрилъ (?) въ Себя Самого. Область Его дѣятельности была весьма ограничена. Вся она сосредоточивалась на бассейнѣ Тиверіадскаго озера, но и тутъ она преимущественно ограничивалась мѣстностью между Тиверіадою и впаденіемъ Иордана, представляющею роль залива въ три лье по кривой линіи (—12¹/₂ верстами) Вотъ поле, гдѣ сѣмя Христово нашло вполнѣ пригодную почву. Озеро, горизонтъ, кустарники, цвѣты—вотъ все, что доднесь уцѣлѣло отъ маленькаго района, гдѣ Христосъ основалъ Свое божественное дѣло. Деревья совсѣмъ исчезли. Въ этой странѣ, гдѣ растительность была нѣкогда столь роскошною, что Іосифъ видѣлъ въ этомъ нѣкотораго рода чудо: природа, по его словамъ, тутъ соединила растенія холодныхъ странъ, произведенія жаркихъ поясовъ, деревья умѣренныхъ климатовъ, круглый годъ покрытыя цвѣтами и плодами;—въ этой странѣ нынѣ надо за день рассчитать, гдѣ можно будетъ завтра найти немного тѣни для отдыха. Озеро стало пустыннымъ. Единственная лодка, въ самомъ жалкомъ состояніи, бороздитъ нынѣ эти волны, нѣкогда столь богатая жизнью и радостію. Но его вода—все также легка и прозрачна. Берегъ, состоящій изъ скалъ и булыжника, есть настоящій берегъ маленькаго моря. Онъ чистъ, опрятенъ, безъ тины; легкія волны всегда ударяютъ въ одною и томъ же мѣстѣ. Маленькіе мысы, покрытые олеандромъ, тамарисами и иглистыми капереами красиво вырисовываются на небѣ; особенно въ двухъ мѣстахъ, при истокѣ Иордана близъ Тарихи и на берегу Геннисаретской долины, являются восхитительныя цвѣтники, гдѣ волны разсыпаются въ пышной травѣ и цвѣтахъ. Потокъ Аин-Табига образуетъ маленькій лиманчикъ, наполненный красивыми ракушками. Тучи водяныхъ птицъ покрываютъ озеро. Горизонтъ залитъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Вода цвѣта небесной лазури, глубоко заключенная между залитыхъ сияніемъ скалъ, когда смотришь съ высоты Сафедскихъ горъ, кажется будто занимаетъ дно золотого кубка. На сѣверѣ сибиріаня ущелья Ермонъ вырѣзываются бѣлыми линіями на небѣ; на западѣ высокія волнистыя равнины Гавлонитиды и Переи, совершенно выжженные солнцемъ, образуютъ сплошную возвышенность, или лучше—длинную и высокую террасу, которая отъ Кесаріи Филипповой направляется къ югу. Жара на берегахъ озера въ настоящее время невыносима. Озеро занимаетъ впадину въ двѣсти метровъ (—275 арш) ниже уровня Средиземнаго моря и раздѣляетъ такимъ образомъ условія жаркаго пояса вмѣстѣ съ Мертвымъ моремъ. Обильная растительность умѣряла нѣкогда эту чрезмѣрную жару; иначе трудно бы понять, какъ такая раскаленная печь, какою въ настоящее время оказывается весь бассейнъ озера, начиная съ мѣсяца Мая, могъ быть нѣкогда театромъ удивительной дѣятельности. Іосифъ, впрочемъ, находитъ климатъ этой страны очень умѣреннымъ. Безъ сомнѣній тутъ, какъ и въ Римскихъ поляхъ, произошла нѣкоторая переимѣна климата подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ. Исламизмъ, и особенно реакція мусульманская противъ крестовыхъ походовъ высушили, подобно смертельному вѣтру, мѣстность излюбленную Христомъ. Четыре—пять большихъ поселяковъ, расположенныхъ на полчаса одинъ отъ другаго, вотъ главное и постоянное мѣсто дѣятельности Христа въ эту эпоху. Кажется, Онъ никогда не вступалъ въ Тиверіаду,—городъ совершенно языческой и обычная резиденція Антипы. Иногда, впрочемъ, Онъ удалялся изъ Своей излюбленной страны. На лодкѣ Онъ переходилъ на восточный берегъ, ширимѣръ въ Гергесу. А къ сѣверу Онъ доходилъ до

Кесаріи Филипповой, до подошвы Ермона. Однажды Онъ ходилъ даже въ богатѣйшія и промышленныя тогда страны Тира и Сидона, гдѣ язычество процвѣтало въ полномъ блескѣ и на каждомъ холмѣ были храмы и священные роши. Но этотъ видъ большой промышленности и богатства въ языческихъ странахъ не могъ быть приятенъ Христу. Онъ всегда возвращался на свой возлюбленный берегъ Геннисаретскій. Средоточіе Его думъ было тамъ; тамъ Онъ находилъ вѣру и любовь.

Въ этомъ раю земному жило население въ совершеннѣйшемъ согласіи съ самою страной, дѣятельное, честное, полное жизнерадостныхъ и нѣжныхъ чувствъ. Геннисаретское озеро есть самый рыбный въ мірѣ водоемъ; тамъ имѣлись очень доходныя рыбы, особенно въ Виесаидѣ и Капернаумѣ; онѣ доставляли жителямъ извѣстное благосостояніе и довольство. Эти семьи рыбаей образовывали общество скромное и мирное, распространяясь посредствомъ многочисленныхъ родственныхъ связей по всему описываемому району озера. Ихъ жизнь, мало занятая, оставляла полную свободу ихъ воображенію. Идеи о царствѣ Божіемъ находили, въ этомъ маленькомъ кружкѣ добрыхъ людей, больше вѣры, чѣмъ гдѣ-либо. Ничто подобное цивилизации въ греческомъ и мірскомъ смыслѣ не проникало къ нимъ. Нравы ихъ были тихи, безъ хитростей и лукавства. Христосъ нашелъ у нихъ Свое настоящее семейство. Онъ жилъ какъ одинъ изъ своихъ; Капернаумъ сталъ „Его городомъ“, и среди этого небольшого кружка Своихъ почитателей Онъ забылъ Своихъ братьевъ скептиковъ, неблагородный Назаретъ съ его насмѣшливою недоувѣрчивостію. Одинъ домъ въ особенности доставлялъ Ему пріятное убѣжище и преданныхъ учениковъ. Это домъ двухъ братьевъ—Симона и Андрея. Столъ же радушный пріемъ находилъ Христосъ въ другой семьѣ—Зеведея, состоятельнаго рыбакова, владѣвшаго нѣсколькими лодками и имѣвшаго наемныхъ работниковъ. Въ этой семьѣ у Христа были два довереннѣйшіе ученика брата: Іаковъ и Іоаннъ; ихъ мать Соломія также была предана Христу и слѣдовала за Нимъ даже до креста. Кромѣ того три-четыре Галилеянки постоянно слѣдовали за Христомъ и оспаривали другъ у дружки удовольствіе Его слушать и пещись о Его нуждахъ. Онѣ вносили въ общину особый элементъ энтузіазма, восторженности и таинственности. Нѣкоторые изъ нихъ были богаты и служили Христу своимъ имѣніемъ. Наконецъ были у Него и другіе ученики и послѣдователи, имена коихъ названы въ Евангеліяхъ, но болѣею частію остались неизвѣстными. Въ этой средѣ Своихъ почитателей Христосъ имѣлъ болѣе тѣсный кружокъ довѣренныхъ учениковъ. Изъ другихъ выдавались, кажется, два сына Зеведея—Іаковъ и Іоаннъ, исполненные огня и ревности, за что и получили отъ Своего Учителя названіе „Сыновъ грома“. Младшій изъ братьевъ, по своему молодому возрасту и по особенностямъ сердца, удостоился даже дружбы Учителя. Также Петръ, прямой, открытый, искренній, впечатлительный, непосредственно отдававшійся первому движенію чувства, былъ въ числѣ довѣреннѣйшихъ учениковъ Христа. Мало мистичный, онъ чистосердечно открывалъ Учителю свои наивныя сомнѣнія, свои неудовольствія и антипатіи, свои чисто человѣческія слабости. Никакого чиновначалія въ собственномъ смыслѣ не существовало въ нарождавшейся общинѣ. Всѣ должны были зваться „братьями“, и Христосъ безусловно осудилъ всѣ начальственные титулы, въ родѣ „равви — учитель, отецъ“. Онъ одинъ — Учитель и одинъ Богъ — Отецъ. Самый наибольшій долженъ быть слугою другихъ. Впрочемъ Симонъ, по видимому, нѣсколько отличался отъ остальныхъ, какъ первый между равными. Христосъ жилъ въ его домѣ; училъ съ его лодки; его домъ былъ средоточіемъ евангельской проповѣди. Въ обществѣ на него смотрѣли какъ на главу кружка, къ нему сборщики обращались съ требованіемъ подати. Симонъ первый призналъ Иисуса за Мессію, — онъ же на слова Христа: „не хотите ли и вы отойти“ отвѣчалъ за всѣхъ учениковъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни“. Самъ Христосъ отличалъ его какъ перваго изъ равныхъ, давъ ему сирское имя *Кифы*—камень, долженствовавший быть угловымъ камнемъ зданія церкви, — и вручивъ ему ключи Своего царства. Такое предпочтеніе Петра (будто бы)

вызывало въ другихъ ученикахъ маленькую, но наивную и невинную ревность, которая особенно возгаралась при мысли о наступающемъ царствѣ Божіемъ, когда всѣ ученики возсядутъ на престолы, по правую и лѣвую руку Учителя, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ. Ставили вопросъ: кто тогда будетъ ближе всѣхъ къ Сыну Человѣческому, въ качествѣ какъ бы Его министра—совѣтника? Два сына Заведеевы (будто бы) стремились къ этому чину. Сильно занятые этою мыслію, они (будто бы) напередъ подослали свою мать къ Христу, которая однажды отвела Его въ сторону и попросила почетныя мѣста двумъ своимъ сыновьямъ. Но Христосъ отклонилъ просьбу Своимъ обычнымъ изреченіемъ, что желающій быть большимъ долженъ быть слугою всѣмъ и что царство небесное будетъ достояніемъ меньшихъ братьевъ. Это произвело нѣкоторое волненіе въ общинѣ и возбудило большое неудовольствіе на Іакова и Іоанна. Всѣ ближайшіе ученики Христа были рыбаки. Никто изъ нихъ не принадлежалъ къ высокимъ классамъ общественнымъ. Одинъ Матей или Левій, сынъ Алфея, былъ мытарь. Но это назнаніе въ Иудеѣ давалось не главнымъ откушникамъ, которые принадлежали къ высокимъ чинамъ, а простымъ агентамъ этихъ чиновниковъ (publicani) или главныхъ откушниковъ, нанимавшихъ ихъ изъ низкаго сословія. Эта служба нигдѣ и никогда не была популярна. Но у Иудеевъ она считалась совершенно преступною. Платить подати, со времени Иуды Гавлонитянина, считалось шагомъ къ тому, чтобы оязниться. Мытари презирались также со стороны ревнителей закона. Ихъ иначе не упоминали какъ въ сообществѣ злодѣевъ, воровъ, людей заторной жизни. Иудеи, бравшіе на себя мытарскую службу, отлучались и признавались неспособными быть свидѣтелями на судѣ. Ихъ мытница подвергалась проклятіямъ и казуисты запрещали мѣнять у нихъ деньги. Христосъ не раздѣлялъ этихъ предразсудковъ односторонняго іудаизма. Однажды онъ объѣдъ у Левія вмѣстѣ со многими „мытарями и грѣшниками“, по тогдашнему слововыраженію. Это произвело большой соблазнъ, но Христосъ мало обращалъ вниманіе на предразсудки людей, такъ называемыхъ, блгонамѣренныхъ и за это подвергся сильнымъ упрекамъ со стороны святыхъ.

Всѣ свои многочисленныя завоеванія Христосъ совершалъ благодаря безпредѣльной прелести Своей личности и Своего слова. Проницательное слово, взгляды упавшія на наивную совѣсть, которая нуждалась только въ пробужденіи, приобрѣтали Ему пламеннаго ученика. Иногда Онъ напоминалъ о какомъ-либо обстоятельстве, близкомъ сердцу собесѣдника, какъ это было съ Анаанайомъ и Самарянкою. Скрывая истинную причину Своей силы, т.-е. Свое превосходство надъ окружающею средою, Онъ будто-бы позволялъ вѣрять, (уступая идеямъ времени, которыя были будто-бы и Его собственными?),—что откровеніе свыше обнаруживаетъ Ему тайны и обнажаетъ сердца. Всѣ думали, что Онъ живетъ въ сферѣ, превышающей человѣческую. Говорили, что Онъ бесѣдуетъ на горахъ съ Моисеемъ и Іліею. Вѣрили, что въ минуты Его уединенія ангелы служатъ Ему и устрояютъ сверхъестественное общеніе между Нимъ и небомъ.

Такова была община на берегахъ Тиверіадскаго озера. Представителями аристократіи тутъ были мытарь и жена одного управителя. Остальные были все рыбаки и простые, необразованные люди. Никакой элементъ эллипской культуры не проникалъ сюда; обученіе іудейское тутъ также было неполное. Но теплотѣ сердца и доброю волею они несполнены были черезъ край. Превосходный климатъ Галилеи обращалъ жизнь этихъ честныхъ рыбаковъ въ непрерывное очарованіе. Простые, добрые, счастливые, они подлинно предвкушали царство Божіе, качаясь ли тихо на легкой зыби своего маленькаго моря, или же засыпая вечернею порою на его берегахъ. Трудно представить себѣ всю прелесть жизни, непрерывно текущей лицемъ къ лицу съ небомъ,--того пріятнаго и сильнаго пламени, какое даетъ это постоянное общеніе съ природой, — сновидѣній въ эти ночи, проводимыя подъ яснымъ мерцаніемъ звѣздъ, подъ темно-голубымъ сводомъ глубины безпредѣльной. Въ одну изъ таковыхъ ночей Іаковъ, прислоня голову къ камню, увидалъ въ звѣздахъ обѣтованіе безчислен-

паго потомства и таинственную дѣстницу между землею и небомъ, по которой нисходили и восходили элогимы. Въ эпоху Христа небо не было заключено, ни земля не находилась въ оцѣпенѣннн. Облако разверзлось еще надъ Сыномъ Человѣческимъ; ангелы восходили и нисходили на Его главу; видѣння царства Божія были повсюду, ибо человекъ носилъ ихъ въ своемъ сердцѣ. Свѣтлый и кроткій взоръ этихъ простыхъ душъ созерцалъ вселенную въ ея идеальномъ источникѣ; мнръ разоблачалъ быть-можетъ свою тайну божественно свѣтлой совѣсти этихъ блаженныхъ дѣтей... Христосъ жилъ съ Своими учениками почти всегда на открытомъ воздухѣ. То входилъ Онъ на лодку и училъ Своихъ слушателей, толпившихся по берегу. То садился на одной изъ горъ, которыя окружаютъ озеро, гдѣ воздухъ такъ чистъ и горизонтъ такъ ясенъ. Вѣрный кружокъ учениковъ слѣдовалъ за Нимъ, весело и беззаботно, собирая вдохновення Учителя въ ихъ первомъ цвѣтѣ. Иногда поднималось наивное сомнѣнне, скромный вопросъ. Христосъ ласково, однимъ словомъ или взоромъ, устранилъ возраженне. На каждомъ шагу, въ проходившемъ облакѣ, — въ зернѣ, давшемъ ростокъ, — въ пожелтѣвшемъ колосѣ — видѣли знамення наступающаго царства Божія. Считали себя накануне того, чтобы видѣть Бога, быть хозяевами мнра. Плачь обращался въ радость. „Блаженны, говорилъ Учитель, нащн духомъ, ибо ихъ есть царство Божнн! Блаженны плачущнн... Блаженны изгнаннын за правду, ибо ихъ есть царство небесное!“ Его рѣчь была прнятна и увлекательна, она дышала поэзней природы и благоуханнсмъ полей. Тонкнй вкусъ къ природѣ сообщалъ рѣчамъ Христа выразительные образы. Христосъ любилъ цвѣты и въ нихъ находилъ наилучшня сравнення для Своихъ увлекательныхъ поученнй. Птицы небесныя, море, горы, дѣтскня игры попеременно проходили въ Его бесѣдахъ. Рѣчь Его не имѣла греческой пернодичности, но болѣе приближалась къ оборотамъ еврейскихъ приточниковъ. Она состояла изъ краткихъ, но выразительныхъ изреченнй, прнкнутыхъ однимъ воодушевленнсмъ, — или же изъ подробно-раскрытыхъ сравненнй въ видѣ прнчтей.

Полное безразличнн къ внѣшней жизни и къ суетнымъ прикрасамъ комфорта, составляющаго необходимость нашихъ бѣдныхъ странъ, было слѣдствнсмъ жизни простой и тихой, какую вели въ Галилеѣ. Холодные климаты, обязывая человекъ къ постоянной борьбѣ съ внѣшними влнннми, заставляють его дорого цѣннть изысканность благосостояння и роскошь. Напротнвъ страны, которыя возбуждаютъ мало нуждъ, суть очаги идеализма и поэзнн. Мелочн жизни тамъ ничего не значать въ сравненнн съ удовольствнсмъ жить. Убранство дома изннше тамъ, гдѣ всего менѣе можно держать себя въ запертн. Крѣпкая и регулярная пища грубыхъ климатовъ тамъ была бы тяжела и непрнятна. А что до роскоши одеждъ, то можно ли соперничать съ тою, какую Богъ далъ землѣ и птицамъ небеснымъ? Изнурительный трудъ въ этого рода климатахъ кажется бесполезнымъ; что онъ даетъ, не стоять того, чего стоить онъ. Полевныя животныя одѣты лучше человекъ самаго богатаго, и однакожъ они ничего не дѣлають. Это презрѣнне суетной роскоши, которое какъ скоро свою причину имѣетъ не дѣлоссть, много способствуетъ возвышенню душъ, внушало Христу увлекательныя апологнн: „не копите на землѣ, говорилъ Онъ, сокровнщъ, которыя моль и ржа истребляють, которыя воры подкапываютъ и похищаютъ; но собирайте себѣ сокровнща на небѣ, гдѣ вѣтъ ни моль, ни ржавчнны, ни воровъ. Гдѣ сокровнще ваше, тамъ и сердце ваше. Нельзя служить двумъ господамъ; или одного станешь ненавидѣть, а другаго любить: или же одному будешь усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и мамонѣ. Посему говорю вамъ; не заботьтесь для жизни вашей о томъ, что вамъ пить; ни для тѣла вашего, во что одѣться. Жизнь не больше ли пищи и тѣла одежды? Вагляните на птицы небесныя: онѣ ни сѣють, ни жнутъ, ни собирають въ житнцы, — и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Вы не гораздо ли лучше ихъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавнть хоть одинъ локоть росту? И объ одеждѣ что печетесь? Посмотрите на полевныя мнлн: онѣ не работаютъ и непрядуть. Но я говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ

своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ: кодыми паче насъ, маловѣры! Итакъ не заботьтесь и не говорите: что намъ есть? или что пить? или во что одѣваться? Вѣдь этого всего ищутъ язычники. Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы имѣете нужду въ этомъ. Но ищите во первыхъ правды и царства Божія, а все остальное приложится вамъ. Не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ; завтрашній позаботится о себѣ самъ. Довольно для каждаго дня своей заботы“.

Такое, существенно (будто бы) Галилейское, настроеніе имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу нарождающейся секты. Счастливы кружокъ, полагаясь на Отца Небеснаго въ удовлетвореніи своихъ нуждъ, поставилъ первымъ правиломъ: смотрѣть на заботы житейскія какъ на зло, которое гаситъ въ человѣкѣ зародышъ всякаго добра. Каждый день община просила у Бога хлѣба на слѣдующій день. Къ чему хороша сокровищница? Царство Божіе градеть. „Продайте что имѣете и дайте это на милостыню, говорилъ Учитель. Готовьте себѣ на небѣ влагалища не ветшающія и сокровища не оскудѣвающія“. Въ примѣръ всей нерасуменности скряжничества Христосъ представлялъ богача, задумавшаго расширить житницы свои и сложить въ нихъ запасы добра на многіе годы, но умеръ, не насладившись этимъ добромъ. Сильно укоренившееся въ Галилеѣ разбойничество весьма благопріятствовало такому взгляду на вещи. Бѣднякъ, который отъ этого не терпѣлъ, долженъ былъ разсматриваться какъ дубионецъ Бога, между тѣмъ какъ богачъ, обладавъ невѣрною собственностью, казался по истинѣ обездоленнымъ. Въ нашихъ обществахъ, основанныхъ на весьма ригористичной идѣ собственности, положеніе бѣдняка ужасно: онъ буквально не имѣетъ своего мѣста подъ солнцемъ. Цвѣты, трава, тѣнь—только для того, кто владѣетъ землею. На Востокѣ же это — дары Бога, которые не принадлежатъ никому (?). Собственникъ имѣетъ лишь незначительное (?) преимущество; природа есть наслѣдіе всѣхъ (?). Общеніе имуществъ нѣкоторое время было правиломъ (?) въ первохристіанствѣ. Скучность была страшнымъ грѣхомъ. Чтобы сдѣлаться ученикомъ Христовымъ, надо (?) было продать имѣніе и раздать бѣднякамъ. Притчи о неправедномъ домоправителѣ и богачѣ и Лазарѣ будто бы раскрываютъ ту мысль, что царствіе Божіе принадлежитъ бѣднякамъ и что геенна — удѣлъ богача. „Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, чѣмъ богачу войти въ царство Божіе“.

Настроеніе это, недоведенное до крайностей социализма политическаго и вращавшееся въ чисто нравственной области, въ лицѣ Христа дало міру истиннаго Творца мира души, великаго Утѣшителя жизни. Отвлеченъ человѣкъ отъ мелочныхъ понятій житейскихъ, Евангеліе содѣлалось верховнымъ спасеніемъ отъ скуки жизни вульгарной, непрестаннымъ *горъ сердца*, обаятельнымъ призывомъ, подобнымъ тому, какой Господь сказалъ Маретъ: „Марета, Марета! Ты заботишься и суетишься о многомъ, а нужно только одно“. Въ дѣловыхъ цивилизаціяхъ, при самыхъ тяжелыхъ и изнурительныхъ работахъ, при исполненіи унизительныхъ службъ и неприятныхъ обязанностей, воспоминаніе о свободной жизни Галилейской, подобно благоуханію изъ другаго міра или какъ „роса Ермонская“, всегда пренятствовало мелочности житейскихъ суетствъ и засушать и заполнять ниву Божью.

Царство Божіе есть царство дѣтей и тѣхъ, кто имъ подобенъ, — отверженцевъ міра сего, жертвъ социальной сиби, отталкивающей человѣка добраго, но униженнаго, мытарей, самарянъ, язычниковъ Тира и Сидона. Это Христосъ изобразилъ въ сильной притчѣ о званныхъ на пиръ, которые не пришли и были замѣнены народомъ съ улицъ и переулковъ, нищими, увѣчными, хромыми: „ибо, сказалъ устроитель мира, никто изъ тѣхъ званныхъ не вкуситъ мой вечери“. Горе вамъ, богатые! ибо вы уже получили свое утѣшеніе. Горе, вамъ, пресыщенные нынѣ! ибо всзалчете. Горе вамъ смѣющіеся нынѣ! ибо восплачете и возрыдаете. Когда дѣлаешь обѣдъ или ужинъ, не зови друзей своихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни богатыхъ сосѣдей, дабы и они когда не позвали

тебя и не было бы воздаянїя тебѣ. Но когда дѣлаешь пирь, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ. И блаженъ будешь, что они не могутъ воз' дать тебѣ, ибо воздастъ тебѣ въ воскресенїе праведныхъ“.

Христосъ любилъ народъ; евангеліе благовѣстуется бѣднякамъ; всѣ (?) отверженцы исключительнаго и узкаго іудавзма были Его любимцами. Община Христа представляла смѣшанный характеръ, что сильно удивляло ригористовъ. Она имѣла много такихъ людей, съ которыми не сталъ бы знаться ни одинъ уважающей себя и строгій (односторонне) іудей. Быть-можетъ Христосъ находилъ въ этомъ обществѣ болѣе достоинствъ души и сердца, чѣмъ въ мѣшанскомъ педантизмѣ, формализмѣ, спѣси казовой добпорядочностию. Онъ не раздѣлялъ достойные сожалѣнія предрасудки фарисеевъ относительно внѣшней чистоты; Его видали за столомъ рядомъ съ такими особами, которыя слыли за грѣшниковъ, быть-можетъ только потому, что они не раздѣляли смѣшныхъ мелочей пустосвятствъ. Фарисей и книжники кричали о соблазнѣ: „смотрите, говорили они, съ какиѣмъ народомъ онъ ѣстъ“. Христосъ давалъ на это тонкіе отвѣты, которые раздражали лицемеровъ: „не здоровые имѣють нужду во врачѣ“, или: „Сынъ Человѣческій пришелъ спасти погибшее; Я пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ: кто, имѣя сто овецъ и потерявъ одну, не оставитъ девяноста девяти въ пустынѣ и не пойдетъ за пропавшею, — а нашедши, возьметъ ее на плечи свои съ радостію“ и принесетъ домой; можно напомнить, наконецъ, превосходную притчу о блудномъ сынѣ.

Свободный доступъ ко Христу имѣли также и женщины, слабыя или грѣшныя. Ихъ влекла къ Нему непосредственная сила добродѣтели, съ которою онъ въ первый разъ становился лицомъ къ лицу. Святости и ханжи удивлялись, что Онъ не отгонялъ ихъ отъ Себя. „Это — не пророкъ, говорили они, — если бы Онъ былъ пророкъ, то зналъ бы, что за женщина прикасается къ Нему, ибо она грѣшница“. Христосъ отвѣчалъ на это притчею о займодавцѣ, простившемъ двумъ должникамъ неровные долги. Женщины съ сердцемъ полнымъ скорби и расположенныя благодаря своимъ грѣхамъ къ смиренію были ближе къ Его царству, чѣмъ природы посредственныя, которыя часто имѣють лишь то невеликое достоинство, что не ошибаются (?).

Никакихъ наружныхъ знаковъ праведности или подвижничества Христосъ не имѣлъ. Онъ не избѣгалъ радости, Онъ присутствовалъ на брачныхъ пирахъ. Одно пѣе Его чудесъ было совершенно на свадебной вечерѣ въ Галилейской деревушкѣ. Браки на Востоцѣ совершаются позднимъ вечеромъ. Каждый несетъ факель, что производитъ весьма прїятный эффектъ. Христосъ любилъ это зрѣлище, радостное и одушевленное, и извлекалъ отсюда притчи. Когда сравнивали такую жизнь съ постами Крестителя и фарисейскими, то многіе соблазнялись и говорили: „почему ученики Іоанновы и фарисейскіе постятся и молятся, а Твои ѣдятъ и пьютъ“? Христосъ отвѣчалъ: „неужели хотите вы заставить поститься друзей жениха, пока женихъ съ ними? Но придутъ дни, когда женихъ отнимется у нихъ, и тогда будутъ поститься“. Его тихая веселость выражалась часто въ восхиительныхъ и безобидныхъ сравненіяхъ. „Кому, говорилъ Онъ, подобны люди рода сего и съ кѣмъ сравню ихъ? Они подобны дѣтямъ, сидящимъ на улицѣ, которыя говорятъ своимъ товарищамъ: вотъ мы поемъ пѣсни, а вы не плячете; мы плачемъ, а вы не рыдаете. Пришелъ Іоаннъ, не ѣсть и не пьеть,—и говорите: въ него сошелъ съ ума). Пришелъ Сынъ Человѣческій, ѣсть и пьеть (живетъ какъ всѣ);— и вы говорите: вотъ человекъ, который любитъ ѣсть и пьеть вино (ядца и винопѣнца), другъ мытаряиъ и грѣшникамъ. И (подлинно) премудрость оправдывается только дѣлами ея“ (?).

Такъ путешествовалъ Христосъ съ Своими учениками по Галилеѣ среди непрестанныхъ (?) празднествъ. Онъ садился на мула, это доброе и надежное животное, котораго большіе черныя глаза освѣнены рѣсницами и имѣють большую прїятность. Ученики иногда (?) устраивали для Учителя сельское торжество, разстилая свои одежды вмѣсто ковровъ на дорогѣ и полагая ихъ на мула. Когда Христосъ заходилъ въ какой-

либо домъ, это было радостію и благословеніемъ. Онъ останавливался въ мѣстечкахъ и большихъ деревняхъ, гдѣ всегда былъ готовъ Ему радушный приемъ. На Востокѣ домъ, гдѣ останавливается путешественникъ, дѣлается мѣстомъ стеченія всего населенія деревни; дѣти толпятся во множествѣ и слуги тщетно отгоняютъ ихъ. Христосъ не терпѣлъ грубаго обращенія съ этими наивными слушателями. Онъ подзывалъ ихъ къ Себѣ и ласкалъ. Матери, ободренные такимъ приемомъ, несли къ Нему своихъ младенцевъ, чтобы Онъ коснулся ихъ. Женщины приходили возлывать масло на Его голову и благовоія на Его ноги. Ученики иногда отстраняли ихъ, находя ихъ докучными. Но Христосъ, Который любилъ старинные обычаи и все, что знаменуетъ простоту сердца, поправлялъ ислество Своихъ слишкомъ усердныхъ друзей. За то благоговѣли предъ Нимъ и чтили Его женщины и дѣти. Такимъ образомъ нарождающаяся религія имѣла въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ видъ движенія женщинъ и дѣтей. Эти послѣдніе составляли вокругъ Іисуса какъ бы юную стражу, наивно приветствовали Его царское достоинство и выражали Ему знакъ почтенія, которые Ему очень нравились, называя „Сыномъ Давидовымъ“, крича „осанна“ и нося пальмовыя вѣтви вокругъ Него. Христосъ, какъ Саванарола, быть-можетъ заставлялъ ихъ служить орудіями для благочестивыхъ цѣлей. Онъ благосклонно смотрѣлъ, какъ эти юные апостолы забѣгали впередъ и величали Его царскими именами. Христосъ любилъ дѣтей за то, что видѣлъ въ нихъ образецъ для сыновъ царства Божія, за ихъ простоту, кротость, невинность. Онъ не опускалъ никакого случая повторить, что малютки суть священная существа, что царство Божіе принадлежитъ дѣтямъ, что надо сдѣлаться дитемъ, чтобы войти въ царство Божіе, что царство Божіе надо принимать по дѣтски, что Отецъ небесный скрываетъ Свои тайны отъ мудрецовъ и открываетъ ихъ малымъ дѣтямъ. Идея Его учениковъ почти отождествляется для Него съ идеею дѣтей. Однажды, когда Его ученики заспорили между собою о первенствѣ, Іисусъ взялъ дитя, поставилъ среди нихъ и сказалъ: „вотъ самый наибольшій; кто умалится (смирится) какъ это дитя, тотъ и больше въ царствѣ небесномъ“.

Сколько времени продолжалось это благовѣствованіе царства Божія въ Галилеѣ? Это неважно. Блаженство не измѣряется временемъ, какъ и мечта. Недѣля была какъ цѣлый вѣкъ. Но годы ли, мѣсяцы ли продолжалось это благовѣстіе, оно было такъ обаятельно прекрасно, что человѣчество жило имъ съ того времени и къ нашему утѣшенію можно еще и нынѣ собирать его благоуханіе....

Для основанія царствія Божія, надо было выдти изъ Галилеи и побѣдить іудайзмъ въ самомъ сильномъ мѣстѣ его, которымъ былъ Іерусалимъ. Нѣсколько учениковъ сопровождали Христа. Но эта маленькая галилейская общинка была здѣсь совсѣмъ не на мѣстѣ. Іерусалимъ былъ въ то время почти тоже что и теперь,—городъ педантизма, мелкаго острословія, пустыхъ споровъ, озлобленія, суетумудрія. Фанатизмъ и изуверство тамъ были крайніе, религіозные бунты—весьма частые. Господствовали тамъ надъ всѣмъ фарисеи. Изученіе закона, доведенное до самыхъ незначительныхъ мелочей и ограниченное одними козуистическими вопросами, составляло всю науку и образованіе, нисколько не содѣйствовавшее развитію ума. Это было нѣчто сходное съ пустою наукою мусульманскаго факира, которая сосредоточивается около мечети, требуя огромной, но совершенно напрасной траты времени на развитіе диалектики, безплодной для истиннаго образованія ума. Наука іудейскаго книжника была чисто варварская, крайне нелѣпая, лишенная всякаго нравственнаго элемента. Къ довершенію бѣды, она наполнила какою-то смѣшною смѣсью того, кто трудился изо всѣхъ силъ надъ приобрѣтеніемъ ся. Чванясь своими мнимыми познаніями, которыя стояли такихъ большихъ трудовъ, іудейскій книжникъ питалъ къ греческому образованію точно такое же презрѣніе, какое мусульманскій ученый нашего времени имѣетъ къ европейской цивилизаціи. Худая сторона такого схоластическаго образованія состоитъ въ томъ, что оно убиваетъ восприимчивость ко всему нѣжному и прекрасному, что ни къ чему не оставляетъ уваженія въ человѣкѣ, кромѣ

трудныхъ, но пустыхъ и ребяческихъ мелочей, на которыя онъ потратилъ всю свою жизнь и на которыя онъ смотритъ какъ на естественное занятіе людей важныхъ и серьезныхъ. Весьма тягостное, конечно, впечатлѣніе производила эта отвратительная среда на нѣжныя и чувствительныя души Галилеянъ. Презрѣніе Іерусалимлянъ къ Галилеянамъ дѣлало раздѣленіе между ними еще болѣе глубокимъ. Въ этомъ великолѣпномъ храмѣ, предметѣ всѣхъ ихъ желаній, они встрѣчали часто одни лишь оскорбленія. Стихъ изъ псама богомольцевъ: „Желаю быть у порога дома Божія“ выражалъ предѣлы ихъ благочестивыхъ стремленій. Но высокомерные священники подсмѣивались надъ ихъ наивною набожностію. Нарѣчіе Галилеянь было несправильное, провинціальное; ихъ выговоръ не чистъ; они перемѣшивали разные придыханія, отчего выходили двусмысленности, надъ которыми много смѣялись. Въ религіи ихъ считали за невѣждъ и за не вполне православныхъ. Выраженіе „глупый Галилеянинъ“ сдѣлалось при словѣмъ. Полагали, и не безъ основаній, что іудейская кровь въ нихъ не совсѣмъ чистая, и воѣми было рѣшено, что не родитъ Галилеѣвъ пророка. Удаленные такимъ образомъ на самыя границы іудаизма и почти за предѣлы его, бѣдные Галилеяне ничѣмъ не могли оправдать своихъ мессіанскихъ надеждъ, кромѣ одного пророчества Ісаи: „Галилея языческая, народъ сидящій во тьмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, и сидящимъ въ тѣни смертной восяялъ свѣтъ“. Особенно плоха была репутація родного города Іисуса. Народная пословица гласила: „можетъ ли быть что доброе изъ Назарета?“ Чрезмѣрная унылость природы въ окрестностяхъ Іерусалима должна была усиливать неудовольствіе, какое испытывали Галилеяне. Долины тутъ безводны; почва сухая и каменистая. Когда валъ вѣзрне опускается къ котловинѣ Мертваго моря, то видъ поражаетъ васъ своею безжизненностію; съ другихъ сторонъ онъ монотоненъ. Только одинъ холмъ Мизпа, съ своими воспоминаніями глубокой старины Израиля, задерживаетъ вашъ взоръ. Самый городъ Іерусалимъ также не могъ производить благоприятнаго впечатлѣнія. Онъ не имѣлъ старинныхъ памятниковъ, ибо до Асмонеевъ Іудеи не знали никакихъ искусствъ. Іоаннъ Гирканъ началъ украшать его и Иродъ Великій сдѣлалъ его однимъ изъ самыхъ великолѣпныхъ городовъ Востока. Иродовы постройки спорили съ самыми лучшими древними сооруженіями по грандіозности и красотѣ матеріаловъ. Ряды великолѣпныхъ памятниковъ въ оригинальномъ вкусѣ въ то время высались въ окрестностяхъ города. Стиль этихъ памятниковъ былъ греческій, но приспособленъ къ потребностямъ Іудеевъ и значительно видоизмѣненный соотвѣтственно ихъ принципамъ. Украшенія скульптурныя изъ живыхъ фигуръ, которыя къ великому неудовольствію ригористовъ дозволилъ Иродъ Великій, были изгнаны и замѣнены украшеніями изъ растительнаго царства. Вкусъ древнихъ обитателей Финикии и Палестины къ памятникамъ изъ монолитовъ, высѣченныхъ изъ цѣльной скалы, повидимому оживалъ въ этихъ единственныхъ въ своемъ родѣ гробницахъ, высѣченныхъ въ скалѣхъ и представляющихъ странное смѣшеніе греческихъ стилей съ архитектурою тропиковъ. Христосъ, видѣвшій въ произведеніяхъ искусства пышную выставку суеты (?), смотрѣлъ на все эти монументы неодобрительнымъ окомъ (?). Его безусловный спиритуализмъ и вѣра въ предстоящее преобразование міра не оставляли мѣста для сочувствія тому, что сердцу было чуждо. Храмъ въ эпоху Христа былъ совершенно новъ, и работы на вѣнскихъ дворахъ еще не были закончены. Христосъ смотрѣлъ на эти работы вѣроятно съ тайнымъ неудовольствіемъ (?). Эти надежды на далекую будущность служили какъ бы оскорбленіемъ Его близкаго прішествія. Онъ видѣлъ, что эти роскошныя зданія осуждены на короткое существованіе. Храмъ производилъ въ общемъ необычайно сильное впечатлѣніе, о которомъ теперешній Харамъ, не смотря на все свое великолѣпіе, едва ли можетъ дать соотвѣтствующее представленіе. Окружавшіе храмъ портики и дворы служили ежедневнымъ мѣстомъ сходокъ толпы многочисленной, такъ что это огромное пространство было заразъ и храмомъ, и площадью, и судилищемъ, и университетомъ. Всѣ религіозныя споры іудейскихъ школъ, вся каноника, даже судебныя про-

цессы и гражданскія дѣла, однимъ словомъ вся дѣятельность націи сосредоточивалась тамъ. Это былъ непрестанный гулъ аргументовъ, огороженное поле диспутовъ, оглашавшееся софизмами и тонкими вопросами. Храмъ такимъ образомъ представлялъ много сходнаго съ современною мусульманскою мечетью.

Тутъ проводилъ Христосъ Свои дни во время пребывания въ Иерусалимѣ. Праздники собирали въ этотъ городъ чрезмѣрное стеченіе народа. Располагаясь въ домахъ по десяти или двадцати человекъ, богомольцы наводняли все и жили въ беспорядочной давкѣ по восточному. Христосъ терпѣлся въ этой громадной толпѣ; и бѣдные Галилеяне, окружавшіе Его, обращали на себя мало вниманія. Повидимому, Онъ чувствовалъ себя здѣсь въ мирѣ враждебномъ, гдѣ повсюду Его встрѣчало одно только пренебреженіе. Все, что Онъ здѣсь видѣлъ, приводило Его въ неудовольствіе. Храмъ, какъ часто посѣщаемое святое мѣсто, представлялъ зрѣлище, мало назидательное. Богослуженіе соединялось со множествомъ мелочей, довольно отвратительныхъ, особенно операцій торгашескихъ, для которыхъ въ священной оградѣ устроены были даже настоящія лавки. Тамъ продавали животныхъ для священнодѣйствій; тамъ находились столы для размѣна монеты; по временамъ можно было принять это за базаръ. Низшіе служители храма отравляли свою должность, конечно, безъ всякаго благочестія (?), съ тою вульгарною небрежностію и равнодушіемъ, какимъ вообще отличаются храмовые сторожа. Видъ этого исполненнаго мірской суеты и невнимательнаго служенія святынѣ оскорблялъ релігиозное чувство Іисуса. Онъ не позволялъ проносить чрезъ храмъ никакой вещи; говорилъ, что домъ молитвы обратился въ вертегъ мошенниковъ; и даже однажды прогнѣвался до того, что поразилъ ударами бича этихъ низкихъ торгашей (?) и опрокинулъ ихъ столы. Вообще храма Онъ не любилъ (?) Его идея сердечнаго и внутренняго (въ духѣ и истинѣ) служенія Отцу Небесному не имѣла ничего общаго съ зрѣлищемъ этой скотобойни. Надмѣнность Іудеевъ довершала тяжелья чувства во время пребыванія Христа въ Иерусалимѣ. По мѣрѣ того, какъ великія идеи Израиля созрѣвали, священство надало. Синагога дала толкователю закона и ученому прееходство надъ священникомъ. Жрецы были только въ Иерусалимѣ, но и тамъ даже, ограниченныя отвращеніемъ обрядовъ, они были во всемъ стѣснены ораторомъ синагоги, казуистомъ, книжникомъ, представлявшимъ собою чисто народнаго учителя. Знаменитости Талмуда—не священники, это—ученые по идеямъ того времени. Верховный первосвященникъ Иерусалимскій, правда, занималъ высокій постъ въ націи, но онъ совсѣмъ не стоялъ во главѣ релігиознаго движенія. Первосвященникъ, котораго достоинство унижено было уже Иродомъ, становился все болѣе и болѣе римскимъ чиновникомъ, котораго часто призывали на этотъ постъ лишь для того, чтобы получились изъ этого выгоды для нѣкоторыхъ лицъ. Въ противоположность фарисеямъ, экзальтированнымъ ревнителямъ народнымъ, священники почти всѣ были саддукеями, т. е. членами этой невѣрующей аристократіи, которая образовалась около храма, жила храмомъ, но видѣла въ этомъ суету и даже не вѣровала въ воскресеніе и будущій судъ. Священническая каста разобилась отъ національнаго чувства и отъ охватившаго народъ великаго релігиознаго движенія—до такой степени, что названіе „саддукей“, первоначально означавшее просто члена священнической фамилии Садока, сдѣлалось синонимомъ „материалиста“ и „эпикурейца“. Еще болѣе худшій элементъ привзошелъ при Иродѣ. Полюбивъ Маріамну, дочь Симона, который былъ сыномъ Воеза Александрійскаго, и желая вступить съ нею въ бракъ, онъ не вѣдовавъ другаго средства облагородить своего тестя, какъ возведеніемъ его въ санъ великаго первосвященника. Члены этой пришлой фамилии оставались владыками первосвященства почти безъ прерыва въ теченіи тридцати пяти лѣтъ. Подъ именемъ *Возтіанъ* такимъ образомъ появилась новая священническая знать, совершенно свѣтская, мало публичная, почти слившаяся съ Садокитами. Въ Талмудѣ и раввинскихъ писаніяхъ Воезіане изображаются какъ невѣры и всегда сближаются съ саддукеями. Изъ всего

этого получился вокруг храма нѣкоторый родъ Римскаго двора, жившаго политикою, мало способнаго къ крайностямъ народной ревности, даже боявшагося ихъ, не хотѣвшаго слушать ни святыхъ, ни новаторовъ, ибо онъ жилъ установившеюся рутинною. Эти священники эпикурейцы не обладали ревностію и пыломъ фарисеевъ: они искали только покоя. Христа возмущала собственно эта ихъ нравственная безличность, ихъ холодная безрелигіозность. Но, какъ пришлецъ чужой и безъ значенія, Онъ должеиъ былъ долгое время таить свое неудовольствіе въ Себѣ Самомъ и могъ открыть свои чувства лишь довѣреннѣйшимъ ученикамъ своимъ. Впрочемъ, за долго до послѣдняго посѣщенія Іерусалима, Христосъ выступалъ съ публичною проповѣдію. Его послушали; о Немъ поговорили; толковали о нѣкоторыхъ Его дѣйствіяхъ, которыя считались за чудеса. Но изъ всего этого не вышло ни общины, ни школы. Цѣлительный Учитель, возвѣщавшій прощенье всѣмъ подъ условіемъ любви къ Нему, не могъ войти тутъ Себѣ живаго отголоска. Результатъ этихъ первыхъ проповѣдей Христа въ Іерусалимѣ ограничивался лишь установленіемъ добрыхъ отношеній къ Нему со стороны нѣкоторыхъ важныхъ личностей (Никодимъ, Иосифъ Аримафейскій) и пріобрѣтсніемъ учениковъ-друзей въ Виваніи (Лазарь и его сестры).

Мысль, какую Христосъ вынесъ изъ Іерусалима послѣ перваго посѣщенія его, состояла въ томъ, что примиреніе съ обветшавшимъ иудаизмомъ невозможно. Новое вино не вливаютьъ въ старые мѣхи; къ изношенной одеждѣ не пришиваютъ заплатки изъ небѣленной ткани. Храмъ надмѣнными афишами воспрещаетъ не іудеямъ переступать за ограду внутренняго двора: такъ не надо храма. Законъ, какъ онъ понимался иудаизмомъ, пристрастный, жестокій, безъ благодати и милости, написанъ для однихъ только чадъ Авраамовыхъ. А Христосъ учитъ, что всякій человѣкъ съ доброю волею, каждый принимающій Его съ любовью, есть сынъ Авраама. Въ родовой спѣсъ Іудеевъ Онъ видѣлъ главнаго врага Своему дѣлу, котораго надо преодолѣть. Другими словами: теперь Христосъ—уже не Іудей, Онъ призываетъ всѣхъ людей къ богослуженію, основанному на ихъ единотвенномъ свойствѣ сыновства Богу: Онъ провозглашаетъ права человѣка, а не Іудея; спасеніе человѣка, а не освобожденіе Іудея.

Теперь была провозглашена религія челоѣчества, основанная не на ироби, но на сердцѣ; Моисей прешель; храмъ не имѣетъ болѣе правъ на свое бытіе; не въ жертвахъ, постахъ и субботахъ спасеніе, но въ любви, кротости и милости. Если нѣкоторые воображали войны въ царство небесное, учащено и ласливо повторяя предъ Христомъ воззваніе: „Учитель! Учитель!“, то Христосъ отвергалъ и обличалъ таковыхъ, провозглашая, что Его религія не въ томъ, чтобы говорить или думать хорошо, а въ томъ, чтобы добро творить. У іудейскихъ канонистовъ шли безконечные и козустяческіе споры о субботахъ, а Христосъ училъ, что суббота для челоѣка, а не челоѣкъ для субботы. Мелочность пустосвятонъ состояла въ строгомъ различіи предметовъ на чистые и нечистые, въ очищеніяхъ и пр. Христосъ говорилъ на это: „Можете ли омыть и душу ваму? Сквернить челоѣка не то, что онъ ѣсть, а что исходитъ изъ его сердца“. Христосъ обвинялъ ихъ въ изобрѣтеніи неисполнимыхъ правилъ, служащихъ людямъ только поводомъ ко грѣху, и называлъ ихъ слѣпными вождями слѣпыхъ, которые вмѣстѣ падаютъ въ яму, — учителями добра только на словахъ, а внутри преисполненными всякаго зла и под.

Упорство и фанатизмъ іудейскаго фарисейзма заставляли Христа проповѣдывать язычникамъ Тира и Сидона, Кесаріи Филипповой, Десятоградіи, Эллинамъ в Самарянамъ. Вопреки презрѣнію и враждѣ, какія питались къ Самарянамъ въ Іерусалимѣ, Христосъ оказывалъ къ нимъ особенное благорасположеніе и имѣлъ въ Сихемѣ учениковъ. Въ одной изъ Своихъ притчей Онъ поставилъ Самарянина, за совершенное имъ доброе дѣло, выше даже левита и священника іудейскихъ. Истинное братство, устанавливается не народностію и не религіозными вѣрованіями, но милостію. „Ближній“ есть всякій, кто имѣетъ состраданіе къ челоѣку безъ различія

секты. Человѣческое братство въ самомъ широкомъ смыслѣ черезъ край изливалось изъ вѣхъ Его поученій.

Эти мысли живое выраженіе нашли себѣ въ разсказѣ о бесѣдѣ Христа съ Самаряноку при колодезѣ Іаковлевоу, близъ Сихема, и именно въ словахъ: наступаетъ время, когда и не на горѣ сей и не въ Іерусалимѣ истинные богомольцы будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ. Въ тотъ день, когда Онъ говорилъ это, Онъ былъ истинно Сынъ Божій (?). Онъ въ первый разъ изрекъ слово, на коемъ будетъ покоиться зданіе вѣчной религіи. Онъ основалъ богослуженіе чистое, безъ даты, безъ отечества,—то, которое будетъ совершать всѣ возвышенныя души до конца вѣка. Негодько Его религія въ тотъ день сдѣлалась религіею всего человѣчества, но это была и религія безусловная. И если другія планеты имѣютъ жителей, одаренныхъ разумомъ и нравственностію, то ихъ религія не можетъ быть отличною отъ той, какую провозгласилъ Христосъ близъ колодезя Іаковлева. Человѣкъ не смогъ удержаться на такой высотѣ, ибо идеаль достигается только на одинъ моментъ. Слово Христа было молніей въ темной ночи. Потребовались 1800 лѣтъ, чтобы человѣчество (вѣрнѣе — безконечно малая часть человѣчества) усвоила себѣ эту религію. Но наступитъ полный разсвѣтъ дня и, пройдя всѣ окольные пути заблужденій, человѣчество снова возвратится къ этому слову, какъ къ безсмертному выраженію своей вѣры и своихъ надеждъ.

Христосъ возвратился изъ Іерусалима на Галилейское озеро совершеннымъ отступникомъ отъ іудейской вѣры и самымъ горячимъ преобразователемъ ея. Его мысли теперь выражаются съ ясностію совершенною. Преніе афоризмы и нравственные уроки переходятъ къ рѣшительной политикѣ. Законъ будетъ уничтоженъ, и это Онъ уничтожитъ его. Мессія пришелъ, это—Онъ. Царство Божіе скоро должно открыться, и притомъ именно чрезъ Него. Онъ конечно знаетъ, что сдѣлается жертвою Своего призванія, но царство Божіе не можетъ быть взято безъ насилія. Сынъ Человѣческой, послѣ Своей смерти, придетъ со славою, сопутствуемый легионами ангеловъ; и тѣ, которые Его отвергли, будутъ приведены въ смятеніе и сокрушены. Теперь Онъ принимаетъ титулъ „Сына Давидова“, въ законности котораго старались Его увѣрить Его послѣдователи, вѣроятно *не безъ невиннаго обмана* (?). Правда, между народными воспоминаніями о Давидѣ и между Его царствомъ небеснымъ ничего не было общаго. Царство и спасеніе, о которыхъ Онъ думалъ, были совѣтъ другаго рода. Но общенародное мнѣніе въ некоторомъ образѣ оказало тутъ на него давленіе. Непосредственнымъ свидѣтельствомъ положенія: „Иисусъ есть Мессія“ было другое положеніе: „Иисусъ есть Сынъ Давидовъ“. Онъ позволилъ дать Себѣ титулъ, безъ котораго не могъ надѣяться на успѣхъ. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ обстоятельствахъ Своей жизни, Христосъ примѣнялся къ идеямъ того времени, хотя эти идеи и не были вполнѣ Его собственными. Онъ могъ связать съ Своею идеею „Царства Божія“ все то, что согрѣвало сердца и воображеніе. Такъ какъ, наконецъ, чудеса составляли необходимый элементъ въ общенародномъ представленіи Мессіи, то волей-неволей Христосъ долженъ былъ сдѣлаться чудотворцемъ, хотя, за исключеніемъ быть-можетъ въ некоторыхъ исцѣленій путемъ симпатическаго вліянія, Онъ не совершилъ ни единого чуда. Чудеса какъ и титулъ Сына Давидова были усвоены Ему насильно, вопреки Его воли. Ученіе Христа о Себѣ и Царствѣ Божіемъ постепенно принимаетъ теперь все болѣе и болѣе апокалипсическій характеръ. Настоящій порядокъ человѣчества достигъ своего предѣла. Этимъ предѣломъ долженъ быть ужасный переворотъ, „скорбь“ подобная мукамъ роженицы, или „возрожденіе“, предваренное великими бѣдами и изумительными явленіями. Въ великій день тотъ возсіяетъ на небѣ знаменіе Сына Человѣческаго: это будетъ блескъ подобный молніи, сіяющей отъ востока до запада. Мессія явится въ облакахъ, облеченный славою и величіемъ, при звукѣ трубъ, окруженный ангелами. Его ученики возсядутъ рядомъ съ Нимъ на престолахъ. Мертвые тогда воскреснутъ и Мессія приступитъ къ суду. Этимъ судомъ люди будутъ раздѣлены на два разряда, смотря по ихъ дѣламъ. Ангелы

будутъ исполнителями приговора. Избранники выйдутъ въ блаженную обитель, которая уготована имъ отъ созданія міра; тамъ, облеченные свѣтомъ, они возлягутъ съ Авраамомъ, патріархами и пророками. Это будетъ малое число избранныхъ. А другіе пойдутъ въ геенну—бездну всякой мерзости, мрака и огня. Отверженцы царства Божія тамъ будутъ сожигаемы огнемъ и пожираемы червями, вмѣстѣ съ сатаной и падшими духами его. Тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Этотъ новый порядокъ вещей продолжится вѣчно: рай и геена не будутъ имѣть конца. Сынъ Человѣческій, возводя одесную Бога, будетъ распорядителемъ въ этомъ окончательномъ состояніи міра и человѣчества.

Впрочемъ эти апокалиптическія идеи не владѣли Христомъ на столько, чтобы не оставлять мѣста заботамъ о дѣйствительности. Для утвержденія и продолженія Своего дѣла Христосъ основываетъ общество или Церковь съ строго опредѣленнымъ устройствомъ. Въ качествѣ руководителей общины и наставниковъ Своихъ Христосъ избралъ „дѣвѣнадцать“ Апостоловъ, среди которыхъ Петръ занималъ первое мѣсто.

Эта первоначальная община составляла зерно Церкви, объединенная братскою любовью во имя Христа. Ей дано было Христомъ право вязать и рѣшить (то-есть дозволить и запрещать), отпускать грѣхи, наказывать со властію, молиться съ увѣренностію быть услышанною. Въ ней не было никакой нравственной и канонической казуистики, ни догматики, ни символа. Не было въ ней и вышнихъ отличій, за исключеніемъ быть-можетъ однихъ только вечерей, на которыхъ вкушеніе хлѣба и вина служило символомъ таинственнаго общенія учениковъ со Христомъ и между собою. Раздавая хлѣбъ ученикамъ на этихъ вечерахъ, Христосъ говорилъ: „это—тѣло Мое“,—и подавая вино: „это—кровь Моя“. Въ обществѣ, основанномъ на ожиданіи скораго пришествія Царства Божія, какъ это понятно само собою, должно было считаться бесполезнымъ все, что привязываетъ человѣка къ міру и отвлекаетъ отъ неба. Собственность была запрещена (?); безбрачіе чтилось весьма высоко; Христосъ, повидимому, сталъ даже одобрять отсѣченіе тѣлесныхъ членовъ для наисовершеннѣйшаго приуготовленія къ встрѣчѣ царства небеснаго (?). Его послѣдователи не должны носить съ собою ни денегъ, ни дорожной провизіи, ни даже сумы и перемѣной одежды. Они должны обречь себя на безусловную бѣдность, жить милостынею и гостеприимствомъ: „даромъ получили, даромъ и давайте“. Христосъ возвѣщаетъ теперь Своимъ послѣдователямъ гоненія и ненависть отъ человѣческаго рода. Онъ посылаетъ Своихъ Апостоловъ, какъ овецъ въ среду волковъ; ихъ будутъ бить въ синагогахъ, заключать въ темницы, лишать жизни. Строгость-Его доходитъ даже до отрицанія (?) плоти. Если кто, говорилъ Онъ, приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, и даже самой жизни своей; тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ. Что-то смыслъ—человѣческое отражалось тогда въ этихъ словахъ; это былъ какъ бы огонь, поглощающій жизнь въ самомъ ея корнѣ и все превращающій въ ужасную пустыню. Нѣжный и жизнерадостный учитель чистой нравственности, Христосъ все болѣе и болѣе выходитъ теперь изъ предѣловъ человѣчества.

Въ это время все, что не было царствомъ Божиимъ, какъ бы совершенно исчезало для Него. Онъ былъ, если можно такъ выразиться, всецѣло внѣ природы: семья, дружба, отчизна не имѣли уже никакого значенія (?). Безъ сомнѣнія, Онъ уже въ то время рѣшилъ принести въ жертву жизнь Свою. Видя въ собственной смерти средство основать Свое царство, Онъ пріиалъ свободное намѣреніе предать себя на убіеніе. Смерть Его представлялась Ему жертвою, назначенною Его Отцу для спасенія людей. Его кровь казалась Ему водою втораго крещенія, которою Онъ долженъ былъ омыть и къ которому, повидимому, Онъ шелъ съ страшною поспѣшностію, какъ къ единственному средству для утоленія палившей Его внутри жажды. Онъ не скрываетъ ту ужасную бурю, какую Онъ долженъ поднять въ мірѣ. „Не миръ, говорилъ Онъ, принесъ Я на землю, а мечъ; враги чело-вѣку домашніе его; Я пришелъ раздѣлить чело-вѣка съ отцемъ его и дочь съ матерью ея; огонь пришелъ Я низвести на землю; и какъ желалъ

раженія очень суровыя. Это уже не былъ прежній Учитель „Нагорной Бесѣды“, еще не встрѣчавшій ни сопротивленія, ни затрудненій: негодование увлекаетъ Его къ выраженіямъ рѣзкимъ и строгимъ. (Напротивъ, см. Лук. 4, 23 даж. Иоан. 2, 15—16: 24 и др.).

Неоокружимое препятствіе идеямъ Христа являлось въ особенности со стороны ортодоксальнаго іудаизма, коего представителями были фарисеи. Это были люди узкаго ума, придававшіе большее значеніе внѣшности и отличавшіеся пустосвятствомъ высокоформнымъ, внѣшнимъ, бездушнымъ, — ханжествомъ казеннымъ, самодовольнымъ и самоувѣреннымъ. Ихъ манеры были смѣшны и вызывали улыбку даже у тѣхъ, кто ихъ уважалъ. Прозвища, которыя давалъ имъ народъ и которыя отзываются каррикатурою, служатъ тому доказательствомъ: „фарисей *косолапый*“ (т. е. спотыкающийся о камни, будучи погруженъ въ благочестивыя размышленія), „фарисей *съ разбитымъ носомъ*“, т. е. ходящій съ закрытыми глазами, чтобы не видать жончинъ, наталкивающійся на стѣны и потому имѣющій разбитое лицо, — фарисей, ходящій согнувшись, какъ будто бы онъ несъ на себѣ всю тяжесть закона; фарисей *что надо дѣлать? я то дѣлаю*“, т. е. всегда идущій вслѣдъ закона и правилъ, всегда живущій по правиламъ и для всѣхъ служащій образцомъ благочестія; фарисей *новоплеченный*“, для котораго внѣшняя набожность служить только прикрытіемъ лицемерія и притворства. Этотъ ригоризмъ, въ дѣйствительности, былъ часто только показнымъ и скрывалъ на дѣлѣ большую нравственную распушенность. Впрочемъ народъ тутъ былъ плохой судья. Народъ, котораго инстинктъ всегда правъ, даже когда онъ всего сильнѣе заблуждается въ своихъ сужденіяхъ о лицахъ, весьма легко вводитъ въ обманъ пустосвятами. Въѣдъ то, что онъ любитъ въ нихъ, хорошо и достойно любви; но онъ не имѣетъ столько пронизательности, чтобы различить видимость отъ дѣйствительности.

Легко понять ту неурязку, какую долженъ былъ возбудить къ себѣ въ такой средѣ Христосъ. Онъ желалъ религіи сердца, а религія фарисеевъ состояла исключительно почти изъ чиновъ и правилъ. Христосъ искалъ униженныхъ и отверженцевъ всякаго рода, а фарисеи видѣли въ этомъ обиду своей религіи людей добропорядочныхъ. Фарисей былъ человѣкъ непогрѣшимый и безъ недостатковъ, педантъ, занимающій первое мѣсто въ синагогѣ, молящійся на улицахъ, раздающій милостыню при звукѣ трубною, слѣдящій затѣмъ, кланяются ли ему. А Христосъ училъ, что каждый долженъ ожидать суда Божія со страхомъ и смиреніемъ. Борьба Христа съ официальнымъ лицемеріемъ была постоянная. Споры сосредоточивались преимущественно около массы разныхъ постановленій и обычаевъ, введенныхъ преданіемъ старцевъ и ни Христомъ ни Его учениками не соблюдавшихся. Фарисеи дѣлали Ему за это сильныя упреки. Когда Онъ вечерялъ у нихъ, Онъ очень соблазнялъ ихъ тѣмъ, что ве строго наблюдалъ установленное обычаемъ омовеніе: „Подавайте, говоритъ Онъ, лучше милостыню, тогда все будетъ у васъ чисто“. Но что особенно сильно оскорбляло Его нѣжное чувство, такъ это та самоувѣренность, съ какою фарисеи относились къ религіознымъ предметамъ и ихъ бесплодное пустосвятство, спѣсиво занятое вопросами о первенствѣ и титулахъ, а совсѣмъ не улучшеніемъ сердецъ. Поразительная притча о фарисеѣ и мытарѣ раскрываетъ это съ безконечною прелестію и правдивостію.

Христосъ всегда обращался къ чуткости нравственнаго чувства. Онъ вступалъ въ споры и аргументировалъ съ фарисеями, принуждаемый Своимъ противникомъ брать его собственный тонъ. Его острые отвѣты всегда разили въ самое сердце. Это были стрѣлы несравненныя, стрѣлы поистинѣ достойныя Сына Божія!...

Но за Свою побѣду Христосъ заплатилъ жизнью. Фарисеи теперь всюду преслѣдовали Его, старались Его погубить и употребляли уже въ Галилеѣ противъ Него тѣ удочки, которыя потомъ имѣли успѣхъ въ Иерусалимѣ, впутывая въ свои споры политику. Но въ Галилеѣ, благодаря слабости правленія Аптины и сравнительной свободѣ взглядовъ на религіоз-

ныя распри, враги Христа были безсильны. Онъ самъ пошелъ на открытую опасность, ибо видѣлъ, что Его дѣло, если ограничится одною Галилеею, не будетъ имѣть должнаго успѣха. Иудеи влекла Христа, гдѣ Онъ желалъ испытать послѣднія усилія, чтобы склонить на Свою сторону непокорный городъ и оправдать поговорку, что ни одинъ пророкъ не долженъ умирать внѣ Иерусалима.

Уже давно Христосъ предвидѣлъ, какая участь ожидаетъ Его въ Иерусалимѣ. Здѣсь Онъ былъ чужимъ. Онъ чувствовалъ тутъ для Себя несокрушимое сопротивленіе. Окруженный кознями и возраженіями, Онъ подвергался непрерывнымъ преслѣдованіямъ со стороны фарисеевъ. Въмѣсто безграничной склонности вѣрить, этого блаженнаго дара натуръ молодыхъ, который Онъ находилъ въ Галилеѣ; вмѣсто этого населенія добраго и кроткаго, у котораго возраженіе (которое всегда есть плодъ нѣкотораго зложелательства и грубости) не имѣло никакого успѣха — Онъ встрѣчалъ тутъ на каждомъ шагѣ упрямое недоумѣріе, на которое мало дѣйствовали средства, имѣвшія полный успѣхъ въ Галилеѣ. Его ученики, въ качествѣ Галилеянъ, встрѣчали презрѣніе къ себѣ. Никодимъ, имѣвшій съ Нимъ въ одно изъ прежнихъ путешествій ночную бесѣду, чуть не скомпрометировалъ себя предъ Синадріономъ тѣмъ, что хотѣлъ защитить Его. „И ты не изъ Галилеи ли? сказали ему. Разсмотри и увидишь, что изъ Галилеи не приходилъ пророкъ“.

Городъ, какъ уже было сказано, не нравился Христу. Доселѣ Онъ всегда избѣгалъ большихъ центровъ, предпочитая деревни и второстепенные города. Нѣкоторыя изъ Его правилъ, данныхъ Апостоламъ, осуществимы только среди простыхъ людей (Мѣ. 10, 11—13 др.). Его воображеніе, Его любовь къ природѣ чувствовали себя стѣсненными въ этихъ стѣнахъ. Истинная религія должна была появиться не въ базарной сутолокѣ городовъ, но среди спокойной тишины полей. Высокомѣріе священниковъ дѣлало для Него неприятными двory храма. Однажды нѣкоторые изъ Его учениковъ хотѣли обратить Его вниманіе на роскошныя постройки.... „Истинно говорю вамъ, сказалъ Онъ: не останется тутъ камня на камнѣ“. Вниманіе Христа было обращено не на эту роскошь, а на бѣдную вдову, опустившую въ корванъ свои двѣ ленты: она положила, сказалъ Онъ, больше всѣхъ; другіе клали отъ избытка своего, а она — отъ нужды своей“. Эта критическая точка зрѣнія на все, что дѣлалось въ Иерусалимѣ, возвышеніе бѣдняка, дающаго мало, и униженіе богача, дающаго много (безусловно, и потому невѣрно, см. Лук. 16, 9), — порицаніе богатаго клира, который ничего не дѣлалъ для блага народа — все это, конечно, раздражало священническое сословіе. Гнѣздо консервативной аристократіи, храмъ, какъ и его наслѣдникъ мусульманскій харамъ, былъ послѣднимъ въ мірѣ мѣстомъ, гдѣ преобразование могло бы имѣть успѣхъ, но это былъ центръ іудейской жизни, пунктъ, гдѣ надлежало побѣдить или умереть. На этомъ Лобномъ Мѣстѣ, гдѣ Христосъ страдалъ навѣрно болѣе, чѣмъ на Голгоѣѣ, Его дни протекали въ диспутѣ и несприятностяхъ постоянныхъ, среди скучныхъ преній каноническаго права и экзегеса, для которыхъ Его нравственная высота давала Ему мало преимуществъ и даже доставляла Ему нѣкотораго рода униженіе.

Но и въ доиѣ этой суетливой и мятущейся жизни доброе и чувствительное сердце Иисуса нашло себѣ убожище, гдѣ Онъ могъ наслаждаться полнымъ спокойствіемъ. Проведя день въ диспутахъ храма, вечеромъ Онъ спускался въ долину Кедронъ, отдыхалъ недолго въ виноградникѣ, называемомъ Геосиманія и открытомъ для посѣтителей; а ночь Онъ проводилъ на вершинѣ Масличной горы, закрывающей горизонтъ города съ восточной стороны. Въ Виваніи, поселкѣ на вершинѣ этой горы, Христосъ имѣлъ дружественно расположенную къ Себѣ семью Лазаря съ двумя сестрами, — и одного домовладѣльца Симона прокаженнаго. Здѣсь, на томъ святой дружбѣ, Христосъ забывалъ неприятности жизни общественной. Въ этомъ спокойномъ уединеніи Онъ утѣшался отъ постоянныхъ придарокъ со стороны фарисеевъ и книжниковъ. Онъ часто сиживалъ на этой вершинѣ, противъ Моріа, имѣя предъ глазами роскошную пер-

спективу террасъ храма съ его крышами изъ блестящихъ пластинокъ. Этотъ видъ поражалъ иностранцевъ изумленіемъ; при восходѣ солнца особенно, святая гора ослѣпляла взоры и казалась массою снѣговой и золотой. Но глубокимъ чувствомъ скорби отравлялось для Христа то зрѣлище, которое всѣхъ другихъ Израилтянъ наполняло радостію и гордостію. „Іерусалимъ, Іерусалимъ, умерщвляющій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! взывалъ Христосъ въ такія минуты скорби,—сколько разъ хотѣлъ я собрать чадъ твоихъ, какъ кокошъ собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья,—и ты не восхотѣлъ!“

Это не значить, чтобы здѣсь, какъ и въ Галилеѣ, совсѣмъ не было такихъ добрыхъ душъ, которыхъ не трогало бы ученіе Христа. Но въѣздъ господствовавшей ортодоксіи былъ таковъ, что тамъ не осмѣливались признаться въ этомъ. Боялись уронить себя въ глазахъ Іерусалимлянъ, присоединяясь къ школѣ Галилеянина. Приходило бы рисковать изгнаніемъ изъ синагоги, что въ средѣ ханжей и пустосвятыхъ представляло послѣднюю степень безчестія. Однажды, низше слуги храма, увлеченные бесѣдою Христа, пошли довѣрить свои сомнѣнія священникамъ. „Увѣривалъ ли въ Него кто изъ начальниковъ или фарисеевъ? былъ отвѣтъ,—но черня эта, не знающая закона, проклята она“. Такимъ образомъ Христосъ въ Іерусалимѣ оставался провинціаломъ, возбуждавшимъ удивленіе къ себѣ въ такихъ же провинціалахъ какъ Онъ, но отвергнутымъ всею знатью.

И самыя поученія Христа, въ этой новой средѣ, должны были значительно измѣниться. Его прелестные уроки, которыхъ сила основывалась на юности воображенія и нравственной чистотѣ совѣсти слушателей, падали тутъ на камень. Онъ, столь спокойный, властный и радостный на берегу Своего прелестнаго озера, былъ тутъ сбиваемъ предъ лицомъ педагоговъ. Его постоянныя увѣренія о Себѣ Самомъ казались тутъ бездоказательными и скучными. Онъ долженъ былъ становиться спорщикомъ, канонистомъ, экзегетомъ, теологомъ. Его бесѣды, обычно исполненныя прелести, становились теперь непрерывнымъ огнемъ спора, хотя Онъ отклонялъ всѣ затрудненія съ великою тонкостію и Его разсужденія и доказательства были просты и сильны. Однажды думала поставить Его въ затрудненіе, представивъ Ему жену прелюбодѣйку. Извѣстенъ Его изумительный отвѣтъ: „кто изъ насъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень“. Христосъ пронзилъ сердце лицемерія и тѣмъ самымъ назначеновалъ Свое взятіе на смерть. Однимъ изъ постоянныхъ усилий фарисеевъ было увлечь Христа на почву политическихъ вопросовъ и сравнять Его съ Іудею Галлонитяниномъ. „Позвоительно ли давать подать Кесарю, или нѣтъ?“—спрашивали Его, разсчитывая на такой отвѣтъ, за который Его можно бы было предать на судъ Пилата. Но отвѣтъ Христа былъ поразительный. Онъ велѣлъ показать Себѣ изображеніе на монетѣ и сказалъ: „отдавайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу“. Слово глубокое, рѣшившее будущность христіанства! Слово спиритуализма совершеннаго и справедливости чуждой, которое положило основаніе раздѣленію духовнаго и временнаго, истинному либерализму и истинной цивилизаціи!

Но Его нѣжное сердце и проникательный геній внушали Ему, когда Онъ оставался на единѣ съ учениками, мысли и образы, полныя прелести несравненной, напр. рѣчь о Пастырѣ Добротѣ (Іоан. 10, 1 сл.),— часто обращался Онъ къ мысли о близости міроваго переворота (Мѣ. 24, 32 др.); но особенно сила Его краснорѣчія проявлялась въ обличеніяхъ лицемерія (23 гл. Мѣ.). Всего болѣе раздражало фарисеевъ ученіе Христа о замѣнѣ Іудеевъ язычниками въ царствѣ Мессіи. А Его названіе себя сыномъ Давидовымъ въ живыхъ притчахъ, гдѣ Его враги изображались убійцами небесныхъ посланниковъ, было прямымъ вызовомъ легальному іудаизму. Еще соблазнительнѣе было смѣлое призваніе, съ которымъ Онъ обращался къ униженнымъ и смиреннымъ,—Его проповѣдь, что Онъ пришелъ открыть очи слѣпымъ и ослѣпить тѣхъ, которые считали себя зрячими. А однажды Его неудовольствіе къ храму исторгло у Него такія слова: „сей рукотворенный храмъ Я разрушу, и чрезъ три дня воздвигну другой нерукотво-

ренный". Этимъ изреченіемъ враги Христа воспользовались потомъ для смертнаго приговора надъ Нимъ.

Подобныя возбужденныя пренія всегда оканчивались бурей. Фарисей бросали камни въ Него, какъ въ разрушителя исконнаго культа. Иной разъ бранили Его безумцемъ, бѣсноватымъ, самаряниномъ. Нерѣдко даже намѣревались убить Его.

Ускоренію развязки содѣйствовала разнесшаяся въ Іерусалимъ вѣсть о воскресеніи Лазаря Христомъ. Эта, надѣлавшая много шума, молва до послѣдней степени раздражала враговъ Христа. Хотѣли, говорятъ, даже убить Лазаря. Собравшійся синедрионъ ясно созналъ, что одновременное существованіе Христа и іудейства невозможно, — въ лицѣ Каиафы, первосвященника того года, рѣшилъ: „полезно, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за весь народъ“. Участь Христа была рѣшена, приговоръ произнесенъ, ждали только случая взять и осудить Христа на смерть. Триумфальное шествіе изъ Вифагіи въ Іерусалимъ, эта смѣлая затѣя провинціаловъ праздновать у воротъ Іерусалима прішествіе своего царя — Мессіи, довершила ожесточеніе фарисеевъ и храмовой аристократіи. Новый советъ у Каиафы рѣшилъ взять Христа, только не въ Іерусалимъ и не во время праздника Пасхи, чтобы избѣжать гласности и возможныхъ волненій народа. Измѣна Іуды Искаріотскаго ускорила дѣло и помогла осуществленію намѣреній синедриона.

Самъ Христосъ ясно предвидѣлъ Свою участь. Подъ вліяніемъ этого предчувствія великая скорбь овладѣваетъ душею Христа, обычно столь радостнаго и столь свѣтлаго. Всѣ евангельскіе рассказы согласно утверждаютъ, что предъ взятіемъ Онъ имѣлъ минуту борьбы и смущенія, какой-то предварительной агоніи. „Душа Моя, вскричалъ Онъ вслухъ всѣхъ, возмущилась! Отче, избавь Меня отъ этого часа!“ (Но изъ Іоан. 12, 27—28 видно, что то была минута торжества и побѣды Христа надъ злымъ духомъ).

Христосъ удалился на верженіе камня отъ Своихъ уснувшихъ учениковъ, взявъ съ собою только Кифу и двухъ сыновей Зеведеевыхъ. Онъ молился, прижавъ лицомъ къ землѣ. Его душа скорбѣла даже до смерти; страшная тоска (?) удручала Его; ужасная тяжесть принятаго Имъ на Себя призванія давила Его жестоко. Пробудилась на минуту человѣческая природа. Онъ начиналъ быть-можетъ сомнѣваться въ Своемъ дѣлѣ. Ужасъ и колебаніе овладѣли Имъ и повергли Его въ слабость, худшую чѣмъ смерть (все это дживныя фантазіи автора). Человѣкъ, который жертвовалъ великой идеѣ своимъ покоемъ и законными наградами жизни, всегда испытываетъ моментъ тяжкаго искушенія, когда образъ смерти впервые представляется Ему и старается убѣдить его, что все тщетно. (Но Христосъ былъ Богочеловѣкъ). Быть-можетъ въ эту минуту явился у Него какія-либо изъ тѣхъ трогательныхъ воспоминаній, которыя хранить въ себѣ сильныя души и которыя по временамъ проникаютъ ихъ какъ мечъ. Не вспомнилъ-ли Онъ свѣтлые родники Галилеи, гдѣ Онъ могъ бы освѣжиться; — сады виноградныя и фиговые, въ которыхъ могъ бы отдыхать?... Возропталъ ли на Свой суровый жребій, отказавшій Ему въ радостяхъ, всѣмъ другимъ дозволеннымъ?... Не пожалѣлъ ли Онъ о слишкомъ высокихъ дарахъ Своей природы, заставившихъ Его сдѣлаться жертвою Своего величія, вмѣсто того чтобы оставаться простымъ ремесленникомъ Назаретскимъ?... Неизвѣстно это (поэтомъ и фантазировать не подобало бы). Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что Его божественная природа вскорѣ одержала верхъ надъ искушеніемъ. Онъ еще могъ избѣжать смерти, но Онъ этого не желалъ. Любовь къ Своему дѣлу превозмогла. Онъ рѣшилъ испить чашу до дна. Съ той минуты Христосъ снова является въ свѣтѣ безоблачномъ. Онъ остается только несравненнымъ героемъ страданія, основателемъ правъ свободной совѣсти, совершеннѣйшимъ образцомъ, въ которомъ всѣ страдальцы будутъ находить для себя подкрѣпленіе и утѣшеніе.

На послѣдней предсмертной вечерѣ Христосъ велъ съ Своими учениками бесѣду, исполненную высокими чувствами любви, проникнутую благодатью и миромъ. „Заповѣдъ новую, говорилъ Онъ въ эти святые минуты,

даю вамъ, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ; потому уздаютъ васъ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою; Я уже не называю васъ рабами, ибо рабъ не имѣетъ довѣрія у своего господина, но Я называю васъ друзьями Моими, ибо Я доказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего; сіе заповѣдую вамъ, да любите другъ друга“.

Была полная ночь, когда вышли изъ комнаты. Христосъ, по обычаю, прошелъ дощину Кедронскую и направился, въ сопровожденіи учениковъ, въ Геосиманскій садъ, при подошвѣ Масличной горы. Онъ сѣлъ тамъ. Возвышаясь надъ Своими друзьями необъятнымъ превосходствомъ, Онъ бодрствовать и молился. Ученики спали рядомъ съ Нимъ, какъ вдругъ явилась толпа съ зажженными факелами въ рукахъ. Христа берутъ подъ стражу, судятъ въ Синедрионѣ, котораго приговоръ утверждаетъ Пилатъ, ведутъ на Голгову и предаютъ распятію. У Іудеевъ былъ обычай, возникшій изъ состраданія къ распинаемымъ, давать имъ предъ казнью особое питье, состоявшее изъ смѣси вина съ ароматическими веществами и приводившее страдающаго въ состояніе безчувственности. Кажется, сами Іерусалимскія женщины часто приносили это питье несчастнымъ на мѣсто казни, чтобы облегчить ихъ страданія. Когда же ни одной изъ нихъ не было, то покупался напитокъ на общественную казну. Христосъ, коснувшись устами края чаши, не хотѣлъ пить. Такое грубо-нульгарное облегченіе страданій не соответствовало Его высокой природѣ. Онъ предпочелъ оставить жизнь въ совершенной ясности Своего духа и съ полнымъ сознаніемъ ожидать смерти, которой Онъ желалъ и которую призывалъ. Его раздѣли и привязали ко кресту, который состоялъ изъ двухъ бревенъ, соединенныхъ въ видѣ буквы Т. Крестъ былъ не высокъ, такъ что ноги распятаго почти касались земли. Потомъ крестъ съ привязаннымъ къ нему казненнымъ поднимали вверхъ и утверждали стоймя. Послѣ этого привождали ко кресту руки распятаго, а иногда и ноги, которыя большею частію только привязывались веревками. Къ прямую стоявшему бревну креста приближался клинокъ, приходившій между ногъ распятаго и поддерживавшій его; иначе руки не выдержали бы тяжести тѣла и разорвались бы. Иногда къ кресту прикрѣплялась горизонтальная доска, поддерживавшая ноги распятаго.

Всѣ эти ужасы Христосъ вкусилъ во всей ихъ жестокости. Страшная жажда, одна изъ пытокъ распятія, сожигала Его. Онъ воскликнулъ: „жажду“. Вблизи стоялъ сосудъ съ обычнымъ питьемъ римскихъ солдатъ изъ смѣси укуса съ водою (posca), которое воины всегда должны были носить съ собою. Одинъ изъ солдатъ обмакнулъ губку въ это питье и, надѣвъ ее на конецъ трости, поднесъ къ устамъ Христа, Который утолилъ Свою жажду посредствомъ сосанія губки. Рядомъ со Христомъ, по обѣимъ сторонамъ, распяты были два разбойника. Исполнители казни (солдаты римскіе), которымъ обычно отдавались вещи казнимыхъ, сняли со Христа одежды и раздѣлили ихъ между собою по жребію и, сидя у подножія креста, стерегли Его. По преданію (?), Христосъ провозгласилъ слѣдующія слова, которыя конечно были въ Его сердцѣ, если не на Его устахъ: „Отче прости имъ! Они не вѣдаютъ, что творятъ!“

Къ вершинѣ креста, по римскому обычаю, была прикрѣплена надпись, на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ: „царь Іудеевъ“. Ученики Христа разбѣжались, за исключеніемъ Іоанна, стоявшаго у подножія креста вѣстѣ съ матерію Христа. Нѣсколько другихъ женщинъ, послѣдовательницъ Христа, находились вдали креста. Увидавъ Іоанна и Свою Мать, Христосъ усыновилъ Своего друга Своей Матери, сказавъ ученику: „вотъ мать твоя“, и матери: „потъ сынъ твой“.

Исключая эту небольшую группу, издали утѣшавшую взоры Распятаго, Христосъ имѣлъ предъ Собою только зрѣлище человѣческой низости и тупой безчувственности. Прохожіе ругали Его. Вокругъ Онъ слышалъ глумящія шутки и Свои возвышенные вопли скорби, обращенные въ гнусную игру словъ: „Вотъ, говорили одни, Тотъ, Кто называетъ Себя Сыномъ Божиимъ! Пусть Его Отецъ, если Онъ угодеиъ Ему, теперь придетъ забав-

лять Его! Другихъ спасалъ, и не можетъ спасти Себя Самого! шумѣли другіе. Если Онъ царь Израилевъ, пусть сойдетъ со креста, и мы увѣруемъ въ Него! Разрушающій Храмъ Божій и въ три дня воздвигающій, спаси Себя! кричали третій. Инымъ слышалось, что Онъ зоветъ Ілїю: „посмотрямъ, кричали,—прійдетъ ли Ілія спасать Его“. Повидимому и два разбойника, распятыя по обѣимъ сторонамъ, также бранили Его (Но см. Лк. 23, 39). Нобо было мрачно (Мѣ. 27, 45 и пар. т. е. было потѣмнѣніе солнца, по евангельскимъ повѣствованіямъ); почва, какъ и вездѣ въ окрестностяхъ Іерусалима, суха и угрюма. На минуту, судя по евангельскимъ извѣстіямъ, сердце въ Немъ ослабѣло (?); облако скрыло отъ Него. ликъ Его Отца; Онъ подвергся терзаніямъ отчаянія (?), стократно болѣе мучительнымъ, чѣмъ всѣ пытки. Онъ видѣлъ только неблагодарность людей, бытъ-можетъ Онъ сталъ раскаяваться въ страданіяхъ за родъ гнусный и возопилъ: „Боже Мой! Боже Мой! для чего ты оставилъ Меня!“ Но божественный Его инстинктъ все таки превозмогъ. (Ренавъ объясняетъ возгласы Христа съ своей отрицательно-невѣрующей точки зрѣнія, какъ увидимъ послѣ, и объясняетъ ложно). Но мѣрѣ того, какъ жизнь тѣла погасала, Его духъ просвѣтлялся и воссоединялся мало по малу съ небеснымъ Своимъ началомъ. Онъ опять обрѣлъ въ Себѣ сознаніе Своего назначенія; увидѣлъ въ Своей смерти спасеніе міра; потерялъ изъ виду совершающееся у ногъ Его гиенное зрѣлище и, въ глубокомъ единеніи съ Отцомъ Своимъ, началъ на этой висѣлицѣ божественную жизнь, которую Онъ долженъ вести въ сердцѣ человѣчества вѣка безконечныя.

Особая жестокость крестной казни состояла въ томъ, что въ этомъ ужасномъ состояніи жизнь могла сохраняться три-четыре дня. Истинною причиною смерти служило противоположеніе положеніе тѣла, которое влекло за собою ужасныя неправильности кровообращенія, страшныя боли въ головѣ и сердцѣ и, наконецъ, окочевѣніе членовъ. Распятыя, имѣвшіе кривое сложеніе, умирали только отъ голода. Но изъясная организація Христа предохранила Его отъ этой медленной агоніи. Все заставляеть думать, что мгновенный разрывъ одного изъ сосудовъ сердца причинилъ Ему, чрезъ три часа, внезапную смерть. За нѣсколько минутъ до Своей смерти Онъ имѣлъ еще сильный голосъ (Мѣ. 27, 46). Вдругъ Онъ испустилъ ужасный вопль, въ коемъ одни услышали: „Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой!“—а другіе, болѣе озабоченныя исполненіемъ пророчества, передали этотъ вопль такъ: „совершилось!“ На грудь склонилъ Онъ голову Свою и отдалъ Богу душу Свою...

Это было въ три часа по полудни, по нашему счету часовъ. Іудейскій законъ требовалъ погребенія умершихъ въ тотъ же день, до заката солнечнаго, т. е. до шести часовъ вечера. Тайныя, но вліятельныя и богатые, друзья Іисуса Іосифъ и Никодимъ выпросили у Пилата разрѣшеніе снятъ съ креста тѣло Христово и положить во гробъ, по закону іудейскому, до начала субботы (т. е. до шести часовъ вечера). Въ воскресенье утромъ, т. е. чрезъ день, какъ молнія пронеслась среди учениковъ Христа вѣсть: „Онъ воскресъ!“—Что же произошло? Исслѣдованіе этого вопроса, какъ и основаніи основанныхъ съ нимъ — о явленіяхъ Воскресшаго ученикамъ и Его вознесеніи на небо, принадлежать Апостольской, а не Евангельской (?) исторіи. Для историка, жизнь Іисуса кончается съ Его послѣднимъ вздохомъ. Но сила оставленнаго Имъ въ сердцѣ Своихъ учениковъ и нѣкоторыхъ преданныхъ лицъ впечатлѣнія была такова, что въ продолженіи еще цѣлой недѣли Онъ былъ для нихъ живъ и утѣшалъ ихъ. (Ложно, см. Дн. 1, 3).

Заключеніе Ренаовой *Жизни Іисуса* состоитъ изъ отрывочно набросанныхъ мыслей о лицѣ Христа и Его дѣлѣ.

Существо тѣла Христа, по Ренау, состояло въ томъ, что Онъ создалъ вокругъ Себя общество учениковъ, коимъ внушилъ безграничную къ Себѣ привязанность и въ сердца коихъ вложилъ зерно Своего ученія. Заставить Себя полюбить до такой степени, что не перестали любить Его и послѣ Его смерти—вотъ главное дѣло Христа; это именно всего болѣе и поражало Его современниковъ. Его ученіе было весьма мало догматич.

нимъ. Становились Его учениками не потому, что вѣрили тому или этому, но потому, что привязывались къ Его личности и любили Его. Христосъ не былъ основателемъ догмы или твердцомъ символа, Онъ былъ начинаемъ новаго духа, новаго направленія, новой жизни человѣчества. Онъ создалъ небо душъ чистыхъ, гдѣ обрѣтается все, чего тщетно ищуть на землѣ:— совершенное благородство чадъ Божіихъ, чистота безусловная, всецѣлое отвлеченіе отъ нечистотыміра, — свобода наконецъ, которую дѣйствительное общество исключаетъ какъ невозможность и которая во всей евоей ширинѣ осуществима телько въ области мысли. Христосъ есть Владыка тѣхъ, которые ищуть убежища въ этомъ идеальномъ царствѣ Божіемъ. Онъ провозгласилъ царственное достоинство духа; первый Онъ сказалъ не только словами, но и дѣлами Своими: „царство Мое не отъ міра сего“. Осисваніе истинной религіи есть внодѣи Его дѣло, Послѣ Него остается ей только развиваться и распространяться. „Христіанство“ такимъ образомъ стало синонимомъ „религіи“. Христосъ навсегда утвердилъ идею чистаго богослуженія; Его религіи въ этомъ смыслѣ оказывается безграничною. Церковь имѣла свои эпохи и свои фазы; она заключена въ символы, которые существовали и будутъ существовать только ограниченное время. (Но если символъ истиненъ, каковъ и есть символъ Православной Церкви, то онъ вѣченъ, ибо истина вѣчна и неизмѣнна). Но основанная Христомъ религія безусловна, не исключаетъ ничего, не опредѣляетъ ничего, если это не есть чувство. (Истинное христіанство, т. е. Православіе опредѣляетъ только истину и исключаетъ ложь). Христосъ въ религіи останется творцомъ чистаго чувства; Нагорная Бесѣда никогда не прейдетъ. Никакая революція не оттергнетъ насъ отъ религіи, носящей имя Христа. Въ этомъ смыслѣ мы—христіане, даже когда мы почти на всѣхъ пунктахъ отдѣляемся отъ христіанскаго преданія, намъ предшествовавшаго. И это великое основаніе было внодѣи личнымъ дѣломъ Христа. Чтобы заставить чтить Себя до такой степени, надо быть достойнымъ такого почтенія. Любовь не является безъ предмета, достойнаго возжечь ее; и мы ничего не знали бы о Христѣ, если бы не то чувство, которое Онъ внушилъ къ Себѣ въ окружавшей Его средѣ послѣдователей и которое, какъ это должны утверждать мы, было велико и чисто... Наши цивилизаціи, управляемая мелочною полиціей, не смогутъ дасть намъ никакого представленія о томъ, что значилъ человекъ въ эпохи, когда оригинальность каждаго имѣла для своего развитія болѣе свободное поле. Предположимъ, что какой-либо пустынный поселился въ каменоломняхъ, недалеко отъ нашихъ столицъ, что онъ по временамъ выходитъ оттуда и является ко дворямъ верховныхъ владыкъ, заставляя ихъ издавать извѣстные приказы и повелительнымъ тономъ возвышая царямъ приближеніе революцій, которыхъ онъ былъ бы зачинщикомъ. Одна эта мысль вызывать въ насъ улыбку. Однакожъ таковъ былъ Илія. Илія Освѣтилъ нашихъ дней не могъ бы свободно переступить за калитку воротъ Тюильери. Проловъ Христе. Его свободная дѣятельность въ Галилеѣ совершилась въ условіяхъ, не менѣ чуждыхъ тѣмъ, въ которыхъ живемъ теперь мы. Свободная нашей изысканности въ обращеніи, чуждая того однообразнаго воспитанія, которое утончаетъ наши вкусы, по которое и такъ сильно уменьшаетъ нашу особенность (индивидуальность), эти цѣлныя души проявляли въ своихъ дѣйствіяхъ энергію изумительную. Онѣ представляются намъ исполнителями героической эпохи, какъ бы не существовавшими въ дѣйствительности! Глубокое заблужденіе! Эти самые люди были нашими братьями. Они имѣли нашъ ростъ, чувствовали и думали какъ мы. Но дыханіе Божіе было свободно у нихъ; а у насъ оно сковано желѣзными узамъ общества ограниченаго и осужденнаго на неизбежную посредственность. Помѣстимъ же личность Христа на самой вершинѣ человѣческаго величія. Не позволимъ вводить себя въ заблужденіе преувеличеннаго сомнѣнія въ виду разсказовъ, возносящихъ насъ въ міръ сверхчеловѣческой... Христосъ для человѣчества остается неисчерпаемымъ началомъ нравственнаго возрожденія. Философіи недостаточно для большинства; нужна святость и религія.

Эту недосыгаемой высоты Личность, ежеминутно доселѣ владычеству-

щую надъ судьбою міра, позволительно именовать Божественною; но не въ томъ смыслѣ, чтобы Христосъ поглотилъ (absorbé) все Божество или бывъ съ нимъ тождественнѣй (adéquat), но въ томъ, что Христосъ есть личность (l'individu), совершившая самый великій для своего рода шагъ къ Божеству. Человѣчество въ своемъ цѣломъ представляетъ скопище существъ низкихъ, эгоистовъ, превосходящихъ животное только тѣмъ однимъ, что ихъ эгоизмъ болѣе сознательнѣе. Но среди этой однообразной полноты выдающіеся столпы возвышаются къ небу и свидѣлствуютъ о болѣе благородномъ назначеніи человѣчества. Иисусъ есть самый высокій изъ этихъ столповъ, показывающихъ человѣку, откуда онъ приходитъ и куда долженъ стремиться. Въ немъ собрано все, что есть добраго и высокаго въ нашей природѣ. Никто и никогда такъ, какъ Онъ, не далъ въ своей жизни преобладающаго интереса надъ мелочностью самолюбія. Безраздѣльно преданный Своей идеѣ, Онъ все подчинилъ ей до такой степени, что къ концу жизни вселенная уже не существовала для Него. (См. напротивъ тайную вечерю, прощальную бесѣду и порученіе Іоанну Пресвятую Дѣву). Этимъ-то порывомъ героической воли Онъ и приобрѣлъ небо. Онъ жилъ только Своимъ Отцомъ и Своимъ божественнымъ посланничествомъ.

Что же до насъ, вѣчныхъ дѣтей, осужденныхъ на безсиліе, которые работаемъ, не пожиная, и никогда не увидимъ плода того, что посеяно нами—преклонимся предъ этими полу-богами. Они могли то, чего не можемъ мы: творить, утверждать, дѣлать. Будутъ ли снова нарождаться великія оригинальности, или же міръ отнынѣ удовольствуется тѣмъ, что будетъ слѣдовать по путямъ, уже открытымъ отважными созданіями древнихъ эпохъ? Мы этого не знаемъ. Но каковы бы ни были неожиданныя явленія въ будущемъ, Христосъ не пройдетъ. Его культъ будетъ возрождаться безпрестанно, повѣствованія о Немъ станутъ вызывать слезы безъ конца, Его страданія будутъ смягчать лучшія сердца, всѣ вѣка будутъ провозглашать, что между сынами человѣческими не рождался болѣе Іисуса. (Изрѣченіе, сказанное Христомъ о Предтечѣ и непримѣнимое ко Христу-Богочеловѣку, какъ не могущему быть сравниваемымъ съ людьми въ отношеніи *болѣе-мнѣе*, и *по существу* не сравнимому съ людьми).

III.

К р и т и к а.

Предательское „*радуйся, учитель*“ дало намъ девизъ для характеристики Ренановой Жизни Іисуса; оно же послужитъ и темою для критической части нашего очерка.

Лобзаніе Іуды слышится намъ и въ неподражаемо художественномъ изображеніи Христа какъ несравненнаго учителя нравственности и религіи, — и въ сравнительно благосклонномъ сужденіи Ренана о нашихъ каноническихъ евангеліяхъ какъ историческихъ источникахъ, — и, наконецъ, въ отношеніи Ренана къ сверхъестественной сторонѣ Евангелія какъ принципиально-возможной и лишь условно-неудобной въ научной обработкѣ евангельской исторіи. Въ первомъ отношеніи, подъ видомъ возвышенія Христа, у Ренана получается въ дѣйствительности только низменная

карикатура, хотя и въ высшей степени художественная, — искаженіе пресвѣтло-небеснаго лика Искупителя грубыми чертами землянаго реализма и человѣческой плотяности. Во второмъ — на словахъ высказанное уваженіе къ каноническимъ евангеліямъ, на дѣлѣ превращено у Ренана въ ребяческій капризь легкомысленнаго ученаго, у котораго дѣтская игра воображенія не стѣсняется никакими премысленными въ своихъ фантастическихъ превращеніяхъ научной дѣйствительности. Наконецъ, въ третьемъ отношеніи совершается научно-незаконное перенесеніе чуда изъ возвышенной и чистой области вѣры и сердца въ темные и грязные подвалы анатомической лабораторіи.

Эти три положенія мы и раскроемъ далѣе подъ тремя заглавіями, соотвѣтственно тремъ основнымъ точкамъ зрѣнія на предметъ: 1) *Богочеловѣкъ*, или разсмотрѣніе дѣла съ точки зрѣнія нравственно-религіозной и догматической; 2, *Евангелія*, или раскрытіе предмета съ точки зрѣнія научно-исторической, — и 3) *Чудо*, или сужденіе о Ренановой Жизни Иисуса съ точки зрѣнія философско-метафизической.

1, *Богочеловѣкъ*. Приступая къ суду надъ Ренановой Жизнью Иисуса въ отношеніи къ богочеловѣческому лицу Безгрѣшнаго Искупителя мы должны оговориться, что законная мѣрка научной критики, обычно примѣняемая къ историческимъ трудамъ въ школьномъ смыслѣ, самимъ авторомъ прямо отрицается какъ незаконная и труду его не соотвѣтствующая. Ренанъ не выдаетъ свою работу за школьную, по всѣмъ правиламъ классической науки составленную, исторію Жизни Христа. Самъ Ренанъ желаетъ въ своей книгѣ только представить наглядно и вызвать къ жизни великіе образы, провращенные все разлагающимъ анализомъ и мелкою критикою западной науки въ мертвые трупы или безжизненные тѣни. При этомъ Ренанъ не обвиняясь заявляетъ, что его „Жизнь Иисуса“ не есть вѣрное, черта въ черту точное, воспроизведеніе исторической дѣйствительности, — но что онъ беретъ только общій духъ генія и одну изъ формъ, въ коихъ геній этотъ могъ существовать дѣйствительно. Только одно заявляетъ нашъ подсудимый смѣло и рѣшительно, что онъ не создалъ карикатуры, какъ то дѣлають другіе историки.

Въ интересахъ совершеннѣйшаго безпристрастія суда уступая пока Ренану въ этомъ требованіи, какъ будто бы оно въ научномъ отношеніи было вполнѣ законно (хотя это, какъ увидимъ, совсѣмъ не такъ), мы должны поэтому первымъ дѣломъ спросить: исполнилъ ли и могъ ли исполнить Ренанъ намѣченную задачу, оставаясь вѣренъ исторической, философской и религіозной правдѣ? говоря иначе: дѣйствительно ли начерталъ нашъ сочинитель и была ли у него возможность начертать съ художественнымъ реализмомъ пресвѣтлый образъ Богочеловѣка-Искупителя, безъ каррикатурныхъ искаженій этого образа въ самомъ его существѣ? Или же Ренанъ создалъ и могъ создать только каррикатуру, хотя бы и поразительно художественную? Обобщаемъ вопросъ: лицо Безгрѣшнаго Богочеловѣка можетъ ли быть вообще воспроизводимо съ *художественною* и *реальною* вѣриностію дѣйствительности?

Чтобы дать безпристрастно-правдивый, основательно-доказательный и обще-убѣдительный отвѣтъ на сей вопросъ, — мы съ возможною полнотою и собственными словами Ренана изложили всѣ тѣ частныя черты, коими онъ рисуетъ образъ Христа-Искупителя. Внимательно прочитавшій данное нами изложеніе Ренановой Жизни Иисуса едва-ли хоть сколько нибудь поколеблется въ своемъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ: въ каждой строкѣ мы имѣемъ художественную каррикатуру, искаженіе богочеловѣческаго образа Искупителя грубо-плотными чертами, превращеніе Богочеловѣка въ человѣка. Только это превращеніе и эти искаженія обставлены и отгѣнены на картинѣ такъ, что зритель не сразу замѣчаетъ предательскій обманъ, принимая условный знакъ измѣны за искреннее привѣтствіе Учителя восторженнымъ ученикомъ.

Дѣло въ томъ, что восторженные частности картины, аксессуары ея, фонъ, воздухъ, освѣщеніе, краски и тѣни, тоестъ вся вообще, такъ сказать, топографическая, этнографическая, историческая, политическая, семейная, умственная, нравственная, религіозная обстановка начертана Ренаномъ съ едва-недоходящею до иллюзіи живостію. Художественное воспроизведеніе этой матеріально-земной и плотяно-человѣческой стороны Евангельской Исторіи составляетъ, какъ мы ранѣе уже замѣчали это, безспорное и

оригинальное достоинство труда Ренана, подкупающее судью-читателя въ пользу подсудимаго сочинителя.

Но вся эта естественно-человѣческая сторона Евангелія воспроизведена Ренаномъ съ такою художественностію лишь для того, чтобы поставить главное лицо картины въ несоответственномъ видѣ, въ противорѣчащемъ ему положеніи, въ позѣ странной, каррикатурной. На этой, столь художественно начертанной, матеріально земной и плотяно-человѣческой обстановкѣ жизни Господа зритель не видитъ небснаго образа Богочеловѣка-Искупителя всего человѣчества, Основателя религіи всемірной и вѣчной. Подъ главнымъ лицомъ Ренановой картины можно подписать имя любого еврейскаго раввина — Гиллела, Гамалила, Матеія и другихъ, имъ же имя легионъ, — только вельзя начертать Святое Имя Единаго и Единственнаго Христа, Сына Божія, Богочеловѣка и Искупителя человѣчества. Такимъ образомъ картина лишена духа животворящаго; все въ ней — одна только плоть, не пользующая ни мало и превращающаяся въ художественную каррикутуру; нѣтъ въ ней жизни, свѣта, истины, высшаго смысла, — идеи въ ней нѣтъ, возносящей трудъ истаго художника изъ низменныхъ областей земли и плоти въ превыспреннія страны идеаловъ третьяго неба, въ божественный міръ непреложной правды, т. е. идей добра, красоты и истины.

Это искаженіе пресвѣтлаго лика Христа-Богочеловѣка замѣчается уже въ повсюду разбросанныхъ у Ренана частныхъ чертахъ и замѣткахъ, не свойственныхъ подлинно-евангельскому Христу и низводящихъ Его изъ небсно-богочеловѣческой области въ низменные страны человѣческой плотяности. Разумѣемъ приписываемыя Христу и нашимъ евангеліямъ неизвѣстныя черты, обусловливающіяся въ обыкновенномъ человѣкѣ добелостію и плотяностію его тварно-грѣховной природы. Такъ Ренанъ, не задумываясь, утверждаетъ, будтобы Христось бываль иногда жестокъ къ Своимъ семейнымъ, что Онъ не любилъ Свою семью и не былъ любимъ, — отторгалъ отъ семей ихъ необходимыхъ членовъ — матерей; женъ, дѣтей, — въ каждомъ раввинѣ, священникѣ и представителѣ официального іудаизма. Видѣлъ врага Своему дѣлу, — изгонялъ изъ Своего царства людей зажиточныхъ и вельможъ лишь за одно ихъ богатство

и за одну знатность, — предписывалъ (въ притчѣ о неправедномъ домоправителѣ) Своимъ послѣдователямъ иезуитско-макиавелевскія правила для борьбы съ врагами правды царства Божія, — допускалъ иногда пресловутый *ria graus* во славу Божию, примѣняясь къ народнымъ суевѣрїямъ, уступая идеямъ времени и потакая живымъ о Себѣ слухамъ какъ о чудотворцѣ, собесѣдникѣ небожителей и Мессіи Сынѣ Давида, — прибѣгалъ будто-бы (такъ выражается Ренанъ, подслащая нравственно-неопрятную пилюлю изысканно французскою вѣжливостію) иногда къ невинному (?) средству привлечь послѣдователя Себѣ чрезъ многозначнаательные и неопредѣленные намеки на какую-то тайну собесѣдника, вызывавшіе послѣднато къ мгновенному покаянїю и вѣрѣ. Сюда же кстати можемъ присоединить и постоянные намеки Ренана, косвенные и прямые, на благочестивые обманы, завѣдомую ложь и сознательно-нечистыя средства со стороны послѣдователей Христовыхъ, чего наиболѣе рѣзкій примѣръ въ Ренановой Жизни Иисуса представляетъ устроенное Византскими почитателями Галилейскаго Мессіи мнимое воскрешеніе и мнимо-умершаго Лазаря.

Далѣе мы увидимъ, что какъ эта такъ и другія многія выходки въ томъ же родѣ суть не иное что, какъ чисто-романическія небылицы, не допустимыя даже въ историческомъ романѣ, по ихъ полному противорѣчію историческимъ документамъ, и придуманныя Ренаномъ лишь съ тою цѣлію, чтобы подобными эффектами грубѣе оплотнить картину и чернѣе заретушевать въ ней свѣтло-божественныя стороны. Точно также мы увидимъ далѣе, что эти и подобныя тѣни такъ легкомысленно, лживо и дерзко набрасываемыя Ренаномъ на неприкосновеннѣйшее Святое Святыхъ каждой истинно христіанской совѣсти, — суть хотя и частныя, но характерно-существенныя проявленія позитивизма и реализма той почвы, на которой родился, выросъ и разцвѣлъ Ренанъ. Мы имѣемъ тутъ лишь наиболѣе типичное и яркое выраженіе той нравственной неопрятности, какая воспитана на западѣ вѣковою казуистикою морали и грубо-схоластическимъ рационализмомъ или тупымъ умничаньемъ резонерства надъ сокровеннѣйшими тайнами челоувѣческаго сердца, не поддающимися никакимъ разложеніямъ

и формуламъ чрезъ силлогизмы, термины и хриі. Все это можетъ вызывать только чувство нравственной гадливости въ каждомъ, еще не искалѣченномъ софизмами мнимо научнаго суемудрія и съ жизне-радостною простотою вѣрующимъ, сердцѣ. Въ концѣ очерка мы увидимъ, что Ренанъ съ своимъ художественнымъ реализмомъ въ научной работкѣ Евангелія есть естественное историческое порожденіе наследственно вѣковаго недуга папистическаго запада, искони зараженнаго этимъ реализмомъ въ области религіи и нравственности. Наконецъ, мы имѣемъ тутъ не мало чертъ и притомъ пошлыхъ, которыя составляютъ характерную фیزیономію уже француза, бретонца, парижанина,—и которыя, по этому, будучи положены на евангельскія лица, могли только ихъ исказить и превратить въ непристойную карикатуру.

Но все же это суть частности, хотя бы существенныя и типичныя, которыя въ интересахъ правды не только научной, но даже и художественной, безъ труда смогъ бы зачеркнуть, если не самъ сочинитель, то карандашъ опытнаго редактора. И дѣйствительно, въ многочисленныхъ народныхъ изданіяхъ Жизни Иисуса мы встрѣчаемся уже нерѣдко съ этимъ редакторскимъ карандашомъ, какъ самого Ренана, такъ и его издателей-цензоровъ.

Но чего не въ состояніи зачеркнуть никакое редакторское перо, чего не поправить и не заретушетъ никакая художническая рука, что составляетъ душу всей Ренановой Жизни Иисуса, единить частныя черты и собираетъ ихъ въ законченное цѣлое, съ уничтоженіемъ чего исчезаетъ вся работа Ренана и превращается изъ книги въ разрозненные наброски на отдѣльныхъ клочкахъ бумаги — такъ это начертанный Ренаномъ образъ Христа, постепенно и съ мнимою естественностію превращающагося изъ простаго Галилейскаго учителя чистой нравственности въ іудейскаго мессію и преобразователя міра.

Спрашивается: вѣренъ-ли этотъ образъ? Вопросъ тутъ пока не о научно-исторической истинности этого образа, которою, какъ увидимъ, Ренанъ жертвуетъ всецѣло въ пользу художественнаго вымысла. Спрашиваемъ пока о нравственно-религіозной правдѣ и о художественной вѣрности начертаннаго Ренаномъ образа Христа.

Справедливость требуетъ отъ насъ заявить, что художникомъ и при томъ единственнымъ въ своемъ родѣ, то есть каррикатуристомъ, Ренанъ остается и здѣсь. Превращеніе Христа-Искупителя и Богочеловѣка въ Галилейскаго равнина, въ простаго проповѣдника нравственности, въ преобразователя жизни человѣческой и міровой по началамъ правды — начертана у Ренана съ неподражаемою наглядностію, доходящею какъ бы до осязаемости. Мы находимъ самую обычную и вполне понятную трагедію, бывающую со всѣми великими людьми, какъ всегда почти роковыми жертвами столь-же роковыхъ идеаловъ. Спокойный, любвеобильный, жизнерадостный мечтатель о чистомъ блаженствѣ правды, истый питомецъ галилейской природы и жизни, начинаетъ свое дѣло съ полною вѣрою въ себя и въ свой идеаль. Онъ проповѣдуетъ блаженство любви, кротости, незлобія, саможертвы, страданій, счастье дитяти почитая осуществимымъ для человѣка идеаломъ. Простое, сельское и работающее населеніе Галилейское, по своимъ врожденнымъ предрасположеніямъ и по мѣстнымъ условіямъ жизни, было вполне склонно къ увлеченію идеаломъ всеобщаго братства и съ восторгомъ внимало словамъ вдохновеннаго пророка, слыша въ нихъ свои завѣтные думы, свои мечты, свои надежды. Кроткій, съ дѣтскою чистотою совѣсти и любвеобильный Назаретскій учитель проповѣдуетъ столь-же кроткимъ, чистымъ и дѣтски любовнымъ Галилеянамъ блаженство правды, кротости, сердечной чистоты, любви. Эта идиллія характеризуетъ первую половину Ренанова романа, когда, какъ выражается сочинитель, подлинно Богъ обиталъ на землѣ...

Но дѣйствительность скоро даетъ себя знать, смѣнивъ эту блаженную идиллію Галилейскую страшною трагедіею Іерусалимскою, — та суровая дѣйствительность, которая всегда стоитъ преградю всѣмъ идеаламъ. Недоступная никакимъ топкимъ внушеніямъ и высшимъ влеченіямъ косность забитой деспотизмомъ своихъ вожаконъ и бѣдной, съ грубо-чувственными только инстинктами, толпы Іудейскаго и Іерусалимскаго простопародья — съ одной стороны, — фанатизмъ ея главарей и заправиль, изувѣрство и пустосвятство оффиціального іудаизма, практической нигилизмъ и мамоно-служеніе тогдашняго священства Іеру-

салимскаго — съ другой стороны: это все роковымъ образомъ встало на пути Галилейскаго проповѣдника ¹⁾, какъ непроходимая скала и непреборимое никакими человѣческими силами препятствіе. Характеры мелкіе и слабые, при встрѣчѣ съ подобными преградами, обыкновенно отступаютъ назадъ, бесплодно и долго ищутъ окольныхъ путей въ разныхъ тропинкахъ нравственнаго суемудрія, пока не доходятъ до сознательно-добровольнаго отреченія, если и не отъ самой признанной ими правды, то отъ героической борьбы за нее, — ударяются въ бессильную грусть о не обывшихся мечтахъ и напрасно потраченныхъ силахъ, — обвиняютъ всѣхъ и все, — вообще изъ героевъ трагедіи оказываются въ комической роли разочарованныхъ и бессильныхъ мечтателей. Напротивъ, для характеровъ великихъ и сильныхъ подобныя препятствія всегда имѣютъ трагическое и роковое значеніе. Они, эти препятствія, только усиливаютъ горящій въ глубинѣ ихъ природы огонь идеала, сожигая ихъ этимъ огнемъ въ неравной борьбѣ съ роковою необходимостію. Такъ буря гаситъ свѣчку и разжигаетъ пожаръ. Для Галилейскаго проповѣдника вселюбви и всебратства такую роковую преграду представилъ именно Іерусалимъ, съ его недоступнымъ ни для какихъ идеальныхъ порывовъ, мѣщанско-торгашескимъ населеніемъ, съ его нравственно-тупымъ пустосвятствомъ и мертвеннымъ резонерствомъ, не знающимъ никакихъ скромныхъ запросовъ нѣжной совѣсти, не смущающимся никакимъ робкимъ протестомъ чувствительнаго сердца, легко и скоро разрешающимъ сущность всего бытія въ изысканный софизмъ суемудрія научнаго, въ тонкую игру мертвою буквою закона, въ каноническую риторіку... Внѣшняя побѣда въ столь неровной борьбѣ, очевидно, и должна была остаться на внѣшне-сильнѣйшей сторонѣ, т. е. за Іерусалимомъ и іудаизмомъ. Видя полную невозможность побѣдить Іерусалимскихъ пустосвятотъ и пустослововъ нравственною силою правды и не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ на-

1) Назаретскій учитель, проповѣдникъ—эти и подобныя названія мы употребляемъ тутъ въ отношеніи къ лицу, начертанному у Ренана, ибо это лицо, какъ неизвѣстное евангеліямъ, не можетъ быть называемо ни Христомъ, ни Іисусомъ.

личныхъ средствъ для внѣшне-политической борьбы съ врагами своими, Галилейскій проповѣдникъ вселюбви и всебратства начинаетъ дѣлать въ своемъ сердцѣ радостную мечту о скорой сверхъестественной расправѣ съ противниками правды Божіей, — питать надежду на страшный мировой переворотъ, ожидать быстрого наступленія послѣдняго суда и должнаго воздаянія праведникамъ и грѣшникамъ...

Такимъ образомъ въ этой внѣшне-неравной борьбѣ Галилейскій учитель правды падаетъ роковою жертвою внѣшнесильнѣйшей стороны. Но онъ умираетъ съ радостною и всепримиряющею вѣрою въ побѣду добра и правды надъ зломъ и ложью, въ торжество нравственнаго и вѣчнаго идеала любви и блаженства надъ грубыми влеченіями плотнаго эгоизма, надъ страданіями и зломъ жизни, надъ внѣшнею силой. Крестная смерть въ этой роковой борьбѣ является совершенно-естественною и вполнѣ примиряющею развязкою, безъ которой трагедія великаго человѣка превратилась бы въ жалкую комедію разочарованнаго идеалиста, такъ какъ Ренановъ герой, по мнѣнію его сочинителя, не вынесъ бы многолѣтней и неравной борьбы за невозможный къ осуществленію идеаль... Послѣ нѣкоторыхъ мимолетныхъ смущеній и колебаній, онъ умеръ, среди жестокихъ мученій тѣлесныхъ и душевныхъ, съ молитвою за своихъ враговъ, съ забвеніемъ личныхъ страданій отъ своихъ распинателей, съ полною вѣрою въ себя какъ искупителя человѣчества и въ побѣду сознаннымъ имъ идеала блаженства правды, любви, добра надъ эгоизмомъ и страданіями неискупленнаго человѣчества. И эта вѣра уже на Голгоетскомъ крестѣ пачала ему ту безсмертную жизнь въ человѣчествѣ, какую онъ будетъ имѣть вѣка нескончаемые, вмѣстѣ съ многими другими незабвенными героями идеала, правды, добра, истины, любви.

Итакъ мы созерцаемъ у Ренана полную жизни, движенія и силъ личность Галилейскаго учителя. Въ этомъ, какъ сказали мы, заключается внѣшне-формальная прелесть Ренановой работы, пожалуй даже ея внѣшне-художественное достоинство.

Но здѣсь же и Ахиллесова пята Ренана, роковой недостатокъ созданной имъ художественной иллюзіи. Въ парисованной Ренаномъ картинѣ предъ нами во очію и живымъ

стоитъ сочиненный художникомъ герой, какъ обыкновенный человѣкъ идсала, преданный своему призванію даже до смертной саможертвы, — мы созерцаемъ мѣстнаго Палестинскаго реформатора, рожденнаго на туземной почвѣ, возросшаго и воспитавшагося на Палестинскомъ солнцѣ, — живущаго и дышащаго Іудейскимъ воздухомъ. Но ни при какомъ освѣщеніи мы не увидимъ на этой картинѣ Иисуса Христа-Богочеловѣка, Икупителя, Царя, Первосвященника и Пророка всѣхъ народовъ вселенной, — дѣйствительно, а не въ мечтахъ только основавшаго царство Божіе на землѣ, осуществляющее девятнадцать вѣковъ въ возможной мѣрѣ блаженство правды Христовой, блаженство любви, кротости, всепрощенія, страданій за правду. Какимъ образомъ Ренановъ сначала идиллической и сладкорѣчивый проповѣдникъ самой обыкновенной и всѣмъ хорошо знакомой евдемонической морали, превратившійся потомъ въ мрачнаго фанатика и грознаго вѣстника страшной расправы надъ своими врагами, — павшій наконецъ жертвою своего фанатизма отъ внѣшне-сильнѣйшей консервативной партіи: — какимъ образомъ эта, столь заурядная исторія и съ немнѣе заурядною личностью, въ какомъ-то заброшенномъ уголкѣ міра, могла стать исторіею всемірною, превратиться въ религію всечеловѣческую, заполнить вселенную потокомъ новыхъ идеаловъ и новыхъ основъ жизни умственной, нравственной, даже тѣлесной, — пересоздать строй семейныхъ, общественныхъ, государственныхъ отношеній? — и т. д. и пр. Какимъ образомъ на горѣ Назаретской зародившаяся, природою Галилейскою воспитанная и на маленькомъ озерѣ Геннисаретскомъ, въ кругу простыхъ поселянъ-рыбарей созрѣвшая, нравственная сила превозмогла всѣхъ мудрецовъ и праведниковъ міра, завоевала всѣ народы земли — сѣвера и юга, запада и востока? Почему одинъ только Иисусъ Назарянинъ, а не Іуда Галилеянинъ, Матоія, не Гиллель, не Филопъ, не Сократъ, не Джіордано Бруно, не другой кто либо, а Христосъ сынъ Маріи-Дѣвы сталъ икупителемъ міра? Вообще: почему у одного только Голгоетскаго Страдальца изъ умершаго тѣла истекла живая кровь, содѣлавшаяся неизсякаемымъ источникомъ новой и блаженной жизни всего человѣчества?

На эти и подобные имъ вопросы Ренанъ не далъ и не

могъ дать отвѣта. И это потому, *во первыхъ*, что онъ принадлежитъ къ той, по истинѣ жалкой, *школѣ* историковъ, которая, не видя въ жизни народовъ никакой объединяющей и высшей идеи, все объясняетъ случайностями мѣстности, времени, врожденныхъ предрасположеній и вообще всевозможныхъ и игривыхъ сочетаній слѣпаго случая. Какъ ни энергично проводятъ принципы этой школы ея представители, какъ ни увлекательны подъ часъ ихъ доводы, какъ ни остроумны ихъ сопоставленія, какъ ни тонокъ иногда ихъ анализъ мелкихъ географическихъ и этнографическихъ условій, вызывающихъ великія явленія въ исторіи человѣчества: но долгъ справедливости требуетъ сказать, что односторонность этой школы не можетъ подлежать никакому сомнѣнію для безпристрастнаго судьи, — что съ высшей точки зрѣнія ея объясненія отличаются завлекательною *игривостію*, а не жизненною научностію. Роясь въ мелочахъ обстановки великихъ историческихъ событій и смотря на нихъ не съ ихъ идеально-великой, а съ ихъ пошло-будничной стороны, эти историки уподобляются прислугѣ какого-либо великаго человѣка, не понимающей этого величія и оцѣпивающей своего господина совершенно съ другой, для него не характерно-существенной, точки зрѣнія. Для такихъ историковъ нѣтъ средоточія или главы въ исторіи, потому что у нихъ нѣтъ для нея ни начала, ни конца. Исторія у нихъ есть не высокая истина и великій урокъ для ума, сердца и воли, — но уму непонятная, сердцу недоступная и волѣ чуждая игра случая... Такимъ образомъ эти историки сознательно и принципиально стремятся въ отношеніи всеобщей исторіи къ тому, къ чему въ отношеніи Евангельской исторіи пришелъ Ренанъ, т. е. превращаютъ всечеловѣческую исторію во всечеловѣческую карикатуру... Въмѣсто Галилеи они рисуютъ вамъ современную Бретань, Іерусалимъ эпохи Христа превратятъ въ современный Парижъ, изобразятъ карикатуру на католическаго патера, какъ практическаго нигилиста и интригана, напомнятъ о современной борьбѣ народныхъ и правительственныхъ партій въ европейскихъ государствахъ, нечертаютъ вамъ образъ сладкорѣчиваго священника французскаго и *трансцендентальнаго революціонера* (фраза Ренана) по типу какого-либо политическаго

демагога французскаго и пр. и пр. Однимъ словомъ вы найдете тутъ все, что угодно, и это все въ художественномъ видѣ. Вы не найдете тутъ только одного — дѣйствительнаго и евангельскаго Христа-Богочеловѣка, Который Одинъ только смогъ всѣ народы земли и при всевозможныхъ условіяхъ этнографическихъ и топографическихъ соединить въ стройную всечеловѣческую семью, не знающую ни эллина, ни іудея, ни раба, ни свободнаго, а одну только — новую, возрожденную по Христу тварь.

Но этими недостатками школы, къ которымъ мы снова возвратимся потомъ, объясняется не столько основной недостатокъ Ренановой каррикакуры, сколько ея частныя и мѣстно народныя черты. До болѣе глубокихъ основъ ея, *во вторыхъ*, докапываются тѣ критики, которые указываютъ на *невѣріе* Ренана, на отсутствіе въ немъ религіознаго чувства и должнаго благоговѣнія ко Христу, вообще на отрицательно-критическое отношеніе его къ освѣщенію богочеловѣческой личности Искушителя въ нашихъ евангеліяхъ. То, конечно, правда, что писать исторію жизни и изображать личность Основателя всемірной религіи, не имѣя въ себѣ нравственно-религіознаго генія, значить заранѣе обрекать себя на роль каррикатуриста, хотя бы-то и увлекательно художественнаго. Это — такая-же невозможность, какъ судить о Шекспирѣ, Рафаэлѣ, Моцартѣ, не обладая поэтическимъ, художественнымъ, музыкальнымъ геніемъ. Для вѣрнаго пониманія и художественно-правдиваго воспроизведенія (словомъ ли, кистью ли, звуками ли) религіозно-нравственныхъ явленій необходимъ религіозный геній тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ величественнѣе и существеннѣе въ исторіи человечества изслѣдуемое и воспроизводимое религіозное явленіе. Безъ этого генія необходимо должна получаться карриатура, подобная той, въ какой изобразили-бы Наполеона его камердинеръ или Сократа—Ксантиппа... Ренанъ—художникъ слова и знатокъ науки. Но его буржуазное самодовольство и легкій французскій характеръ свидѣлствуютъ объ отсутствіи въ немъ нравственно-религіознаго генія и нравственно-религіозныхъ идеаловъ. Въ характеристикѣ приведенныя нами разсужденія старца Ренана, уже стоящаго одною ногою на краю могилы, о Богѣ, любви, о безсмертіи и мздовоздаяніи — даютъ видѣть, что у легкомыслен-

наго и мѣщански-самодовольнаго французскаго буржуа не было на сей счетъ рѣшительно никакого ясно выработаннаго сужденія или твердаго убѣжденія, что самодовольный сочинитель Жизни Иисуса просто-на-просто не понималъ религіозной вѣры и не ощущалъ въ себѣ серьезныхъ запросовъ нравственно-религіозной стороны человѣческаго существа. Онъ не развилъ въ себѣ то внутреннее чувство религіознаго зрѣнія, коимъ однимъ только можно прозрѣть въ непобѣдимую богочеловѣческую силу и сущность Основателя христіанства и Преобразователя людей въ новую тварь. Ренанъ создалъ только художественную обстановку для лика Христа, но онъ не смогъ, благодаря отсутствію необходимаго тутъ религіознаго генія, начертать самого Христа, какъ Богочеловѣка и Искупителя міра. Онъ нарисовалъ поэтому и могъ нарисовать только каррикатуру въ видѣ мѣстно-палестинскаго моралиста и реформатора.

Этимъ однакоже—*это будетъ въ третьихъ и наглавнѣйшее*,—рѣшается только одна сторона вопроса — *отрицательная*, именно: отсутствіе нравственно-религіознаго генія, необходимаго во всякихъ работахъ надъ явленіями нравственно-религіозной области, объясняетъ намъ то, почему Ренанъ создалъ и не могъ не создать только каррикатурный, хотя бы въ своемъ родѣ и весьма художественный, образъ Христа нашего Искупителя. Но это отнюдь не значитъ, чтобы религіозный геній и обладаніе развитымъ нравственно-религіознымъ чувствомъ могли ручаться за возможность *художественно-вѣрнаго* воспроизведенія богочеловѣческаго образа Искупителя. Предохраняя художника отъ каррикатуры и такимъ образомъ имѣя отрицательное значеніе, религіозный геній безсиленъ въ *положительной* сторонѣ дѣла. Христосъ можетъ быть изображаемъ символически и условно, въ видѣ ли монограммы, или аллегорической фигуры, или наконецъ православной *иконы* греческо-русской, ибо никакой *человѣческой* геній не въ состояніи начертать образъ *Богочеловѣка* съ такъ называемымъ *художественнымъ реализмомъ* — ни звуками, ни красками, ни словами. Это положеніе мы и намѣрены со всею подробностію раскрыть теперь, въ заключеніи перваго отдѣла нашей критики.

Искупитель міра и Создатель всечеловѣческой религіи

братства и любви есть Богочеловѣкъ или ставшій плотію Богъ-Логосъ, вочеловѣчившійся Богъ-Сынъ. Это положеніе христіанской вѣры представляемъ аксіому или постулатъ или недоказуемо-руководственное начало и необходимое предположеніе нравственно-религіознаго сознанія человѣческаго. Какъ и всякая аксіома, оно, поэтому, въ отношеніи доказуемости, есть *велия благочестія тайна* (1 Тим. 316) и не подлежитъ уразумѣнію путемъ обычныхъ частныхъ доводовъ ограниченнаго разсудка человѣческаго, — но, въ отношеніи своего содержанія и общаго смысла, оно есть необходимая истина и предположеніе (постулатъ) нравственно-религіознаго сознанія человѣческаго. Свое глубочайшее и сокровеннѣйшее основаніе имѣетъ оно въ самой природѣ человѣка, т. е. въ томъ, что человѣкъ, по самой природѣ своей, есть христіанинъ, ибо онъ есть воплощеніе безграничнаго образа Божія въ условіяхъ ограниченнаго бытія, — образъ Бога (т. е. Логоса или Сына Божія, по образу Коего созданъ человѣкъ) ставшій плотію, духъ Божій, вдохновенный Богомъ въ лице плоти человѣческой, созданной изъ персти земной (Быт. I, 27; 7). Это богоподобіе человѣка есть столь-же безспорная истина, какъ и то, что человѣкъ имѣетъ размышляющій умъ, чувствующее сердце и дѣйствующую волю: ея неопровержимымъ выраженіемъ служитъ стремленіе человѣка къ безконечности и всесовершенству рѣшительно во всемъ, начиная обыденною мечтою обыкновеннаго человѣка и кончая идеалами искусства у великихъ художниковъ. Мы читаемъ эту истину и въ простомъ полусознательномъ отвращеніи человѣка къ смерти и разрушенію, и въ мечтахъ семьянина увѣковѣчить свой родъ, и въ желаніи царя укрѣпить царство свое въ вѣкъ вѣка, на пышномъ памятникѣ могильномъ, въ исканіяхъ безсмертной славы, въ созданіи вѣчныхъ идеаловъ искусства и пр. и пр. Такъ это и въ нравственно-религіозной области: человѣкъ желаетъ быть тѣмъ, что онъ есть по своей природѣ и по своему назначенію. т. е. быть *яко* Богъ и совершеннымъ *яко-же* совершенъ Отецъ Небесный. Въ этомъ — искушеніе для человѣка, въ этомъ — и спасеніе его. Быть *яко* Богъ и совершеннымъ *якоже* Отецъ Небесный совершенъ есть — это стремленіе человѣческой совѣсти составляетъ основное начало всякой нравствен-

ности и всякой религіи. Религіозно-нравственный идеаль правды Божіей въ челоуѣчествѣ или богочелоуѣчество, какъ и всякій другой идеаль, предполагаетъ вѣру въ осуществленіе его, т. е. въ Искупителя-Богочелоуѣчка. Разница тутъ лишь въ степени всеобщности, силы и значимости идеаловъ. Религіозно-нравственный идеаль несравненно выше, дѣйствителѣе и блаженнѣе всякаго другаго идеала, ибо сознать себя творящимъ правду Божію и видѣть другихъ, творящими ее несравненно блаженнѣе, чѣмъ быть созерцателемъ, слушателемъ, читателемъ, даже творцомъ художественнаго произведенія. Наше богоуподобленіе, возрожденіе въ новаго челоуѣчка и преобразеніе по правдѣ Божіей, вообще наше совершенствованіе, яко же совершенъ и Отець нашъ Небесный, исполнять духъ нашъ блаженствомъ, несказанно превосходнѣйшимъ, чѣмъ то, какое рождается отъ созерцанія или даже созиданія художественныхъ идеаловъ, такъ какъ объемлющая всѣ стороны духа и никогда не измѣняющаяся правда жизни безусловно выше частной, выражающей только одну изъ сторонъ жизни духа и условно-ограниченной мѣстомъ, временемъ, народностью, правды художественной. Доказательство на лицо: многіе ли отдадутъ жизнь за свои художественные идеалы и за свои творенія, а за *правду* Божію, за Христа, за правду христіанской стороны своего существа — сколько мучениковъ отдали, прямо и косвенно, жизнь свою земную, во все продолженіе исторіи?... Кто исчислитъ сонмы этихъ исповѣдниковъ правды?...

Нравственно-религіозный идеаль Богочелоуѣчка несказанно и несравненно дѣйствителѣе всѣхъ другихъ идеаловъ челоуѣческихъ, насколько врожденное челоуѣку влеченіе къ *правдѣ жизни, къ правдѣ Царства Божіа, къ правдѣ богосыновства* безконечно выше, сильнѣе и блаженнѣе всѣхъ другихъ врожденныхъ челоуѣку влеченій къ разнымъ частнымъ и условнымъ правдамъ и блаженствамъ. Эта-то правда жизни и дана челоуѣчеству въ лицѣ Христа-Богочелоуѣчка, Который осуществляетъ въ Себѣ неотразимый для совѣсти челоуѣческой идеаль внутренняго, блаженнаго, личнаго единенія Божества съ челоуѣчествомъ или богочелоуѣчествомъ. Такимъ стоитъ Искупитель міра въ общечелоуѣческомъ религіозномъ сознаніи, какъ выраженіе бого-

образной или христіанской природы человѣческаго духа, почему всѣ религіи, въ своихъ высшихъ сторонахъ, приближаются къ христіанству, представляя какъ бы отдѣльные искры или лучи правды, сосредоточивающіеся во Христѣ Богочеловѣкѣ, какъ въ Самомъ Солницѣ Правды (древнеотеческій *Λόγος·σπερματικός*). Сходство всѣхъ религій съ христіанскою какъ и христіанская природа каждой души составляютъ непреоборимое никакими софизмами доказательство христіанской правды, ея всечеловѣческаго и вѣчнаго значенія. Каждая неискалѣченная душа и не сожженная совѣсть чтитъ Того Невѣдомаго, Христа и Богочеловѣка, Котораго проповѣдуетъ христіанская Церковь, Котораго дѣла и слова начертаны богодухновенными писателями нашихъ Евангелій. Начертанный здѣсь пресвѣтлый образъ Безгрѣшнаго Богочеловѣка, встрѣчаясь съ богоподобною и родною себѣ стороною человѣческаго существа, исполняетъ каждую несожженную совѣсть или чистое сердце небеснымъ и божественнымъ восторгомъ, будитъ, просвѣтляетъ и укрѣпляетъ въ ней волю быть сообразнымъ Христу, приобщиться богочеловѣчеству воплотившагося Сына Божія и такимъ образомъ обрѣсти вождѣлннейшую правду истинной жизни и блаженнѣйшее святое святыхъ своего существа.

Итакъ, если законъ правды, богоподобіе и идеальное богочеловѣчества суть нѣчто данное для человѣческой совѣсти и при томъ какъ высшее, главенственное и найдѣйственнѣйшее: то и осуществленіе этого идеала, условно-ограниченное, частичное и преобразовательное-идеальное въ праведникахъ ветхозавѣтныхъ, полное-же неограниченно-вѣчное и дѣйствительно-дѣйствительное во Христѣ Богочеловѣкѣ— есть необходимая истина и неискоренимое требованіе той стороны человѣческаго существа, по которой душа каждаго человѣка есть христіанка по самой своей природѣ, по своему причастію къ Божеству, по своему богоподобію.

Не по преданію только Церкви, не по вѣрѣ только Евангелистамъ, Апостоламъ, Святымъ Отцамъ, но и основываясь на непреложномъ законѣ религіознаго сознанія, на незаглушимомъ голосѣ человѣческой совѣсти, на неудержимомъ влеченіи религіознаго чувства, вообще на неискоренимой и врожденной потребности христіанской природы человѣческаго существа, мы утверждаемъ, что Еван-

гельскій образъ Христа Богочеловѣка есть вождѣлннѣйшій идеаль всего челоѣчества; чашнѣ всѣхъ народовъ земли и истинная Угѣха истаго Израиля, — что безъ Христа-Богочеловѣка нѣтъ никакихъ идеаловъ, никакихъ истинъ никакого блаженства, — нѣтъ правды, нѣтъ самой жизни, нѣтъ даже смерти, а есть только какая-то бессмысленная ложь бытія, нелѣпый обманъ, глупая игра случая, одно страданіе, одна сплошная и всеобщая неправда, небытіе, ничто...

Обрѣтая во Христѣ свое блаженнѣйшее святое святыхъ, душа-христіанка вождѣлѣваетъ все истѣе и истѣе приобщаться ко своему идеалу, все преискреннѣе преображаться въ новаго челоѣка по Христу и Богу, все дѣйственнѣе и ближе созерцать духовнымъ окомъ богочеловѣческой ликт своего Спасителя и, по ограниченности своей природы не будучи въ состояніи исполнѣ и сразу обнять безграничное существо воплотившагося Логоса, каждый христіанинъ носить въ себѣ преимущественнѣе тѣ черты богочеловѣческаго образа Христа, какія болѣе близки къ нему, болѣе сродны ему по условіямъ природнаго настроенія духовной жизни, воспитанія, народности, разныхъ случайностей жизни и пр. Но общій, такъ сказать, тонъ этихъ склонностей христіанской души опредѣляется двумя естествами, нераздѣльно и неслиянно соединенными во единомъ богочеловѣческомъ Лицѣ Спасителя нашего, — которыя представляють какъ бы два магнитные полюса, влекущіе каждую христіанскую душу, смотря по ея склонностямъ, въ ту другую сторону. Въ этомъ каждому легко убѣдиться и посредствомъ изслѣдованія своей собственной совѣсти и наблюденія надъ ближними своими. Одинъ, искренно пламенно вѣрующій христіанинъ, тяготѣетъ къ прошлому къ земной жизни Искупителя во образѣ раба, послушнал даже до смерти, — подобно Апостолу, которому Господь изрекъ: „ты повѣрилъ потому, что увидѣлъ Меня“, жалалъ бы видѣть такой христіанинъ пресвѣтлый ликъ Христа своими тѣлесными очами, слышать Его божественное ученіе своими ушами и осязать Его пречистое тѣло своими руками, — хотѣлъ бы даже носить на тѣло свое язвы Господа и тѣлесно сораспинаться Ему... Другой, напротивъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ, о коихъ Христо-

сказалъ: „блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“, — болѣе склоненъ устремлять очи сердца своего горѣ, къ прославленному Христу, возсѣдающему одесную Отца съ превознесеннымъ естествомъ человѣческимъ, къ конечной цѣли всѣхъ человѣческихъ стремленій. Однихъ поражаетъ и увлекаетъ преимущественнѣе человѣческая сторона Спасителя, другихъ — сторона божественная. Различіе это можно замѣчать не только у всѣхъ христіанъ, доступныхъ нашему непосредственному наблюденію, но это свойство присуще и всѣмъ христіанскимъ писателямъ, учителямъ и Отцамъ Церкви, даже, до нѣкоторой степени, самимъ Апостоламъ, на примѣръ Матеею, описавшему болѣе мессіанско-человѣческую сторону искупительнаго служенія Господа и составившему „благовѣстіе тѣлесное“ (*Ευαγγέλιον σαρκιακόν*), — и Іоанну, изложившему по преимуществу божественную сторону богочеловѣческаго лица Искупителя и вручившему Церкви „благовѣстіе духовное“ (*Ευαγγέλιον πνευματικόν*).

Разности эти, какъ необходимое слѣдствіе ограниченности человѣка и его тварности, представляютъ собою только различныя выраженія личной особенности (индивидуальности) истинно вѣрующей христіанской души и стройно сочетаются въ единствѣ соборно-православнаго вѣросознанія вселенской Церкви, какъ частные моменты этого единства и какъ лично особныя (индивидуальныя) выраженія этого соборнаго вѣросознанія. Но таковы онѣ суть только до извѣстныхъ предѣловъ, за которыми начинаются уже крайности сначала *ложнаго* только *преобладанія* одной стороны богочеловѣчества надъ другою, а потомъ — и *отрицательнаго еретическаго превращенія* одной стороны въ другую и уничтоженія или божества въ человѣчествѣ, или человѣчества въ божествѣ. Характернымъ выраженіемъ и конечнымъ слѣдствіемъ нарушенія равновѣсія между обоими полюсами являются двѣ крайности: съ одной стороны *идеализмъ и мифологизмъ*, т. е. превращеніе исторіи въ идею и мифъ, уничтоженіе всего реально-человѣческаго въ идеально-божественномъ, а съ другой стороны *позитивизмъ и реализмъ*, т. е. отрицаніе высшаго смысла въ исторіи, уничтоженіе идеально-божественнаго въ реально-человѣческомъ, замѣна разумной идеи несмысленною игрою всякихъ случайностей, условій топографическихъ, этнографическихъ и пр. Край-

ности эти существовали и въ древній періодъ церковной исторіи (Оригенъ и Θεодоръ Монсуестскій, Александризмъ и Антиохинизмъ, докетизмъ и евіонизмъ, Арій и Аноллинарій и пр.), въ борьбѣ съ коими истина Православія опредѣлилась и выразилась въ соборномъ самосознаніи середины и равновѣсія между обѣими крайностями, въ точномъ опредѣленіи границъ, за которыми начинаются заблужденіе и ересь. Перешли эти крайности и въ новую исторію Церкви, существуя до днесь въ видѣ двухъ западныхъ исповѣданій — папистическаго и протестантскаго. Несоразмѣрное оплотненіе христіанства составляетъ отличительную особенность папизма и романизма, напротивъ чрезмѣрное одухотвореніе христіанства служитъ отличительнымъ направлениемъ протестантизма и германизма. Развиваясь до послѣднихъ крайностей, эти два направленія рождаютъ, хотя и незаконныхъ и уродливыхъ, но всетаки своихъ собственныхъ и естественныхъ чадъ, поднявшихъ убійственныя руки на своихъ же родителей. Разумѣемъ идеализмъ Гегеля и миеологизмъ Страусса, какъ естественно-историческое порожденіе протестантско-германской склонности къ чрезмѣрному одухотворенію христіанствъ — съ одной стороны, — и позитивизмъ Конта и реализмъ Ренана, какъ собственные, исторически естественныя, хотя и незаконно-уродливыя, порожденія романо-папистической склонности къ чрезмѣрному оплотненію христіанства. Восточно-Русское Православіе, какъ середина между обѣими крайностями и какъ равновѣсіе двухъ противоположныхъ склоненій, есть поэтому истина, все примиряющая, все объемлющая, всечеловѣческая, всехристіанская, соборная.

Можемъ раскрыть эти положенія на нѣкоторыхъ частныхъ примѣрахъ, дабы дать о Ренанѣ окончательное и всестороннее сужденіе. — Сравнивъ съ указанной точки зрѣнія папизмъ, протестантизмъ и Православіе, мы поймемъ роковую ложь не только разныхъ западныхъ Ренановъ и Страуссовъ, но и дойдемъ до болѣе глубокихъ и сокровеннѣйшихъ началъ, коихъ естественнымъ порожденіемъ являются эти уродливости, а вмѣстѣ съ тѣмъ уяснимъ себѣ и истинно-православное вѣросознаніе въ отношеніи къ занимающему насъ вопросу.

Начнемъ съ протестантизма. Войдемъ въ нѣмецкую

кирку. Православнаго чловѣка прежде всего въ ней поразить отсутствіе той, благоговѣніе и молитвенное настроеніе вызывающей, обстановки, какая имѣется въ православныхъ храмахъ. Голыя скамьи и голыя стѣны. Невольно закрадывается предчувствіе, что вы находитесь не въ домѣ молитвы, не въ храмѣ Бога Живаго, а въ ирачной школѣ отвлеченностей и суемудрія, премудреныхъ тонкостей, туманной діалектики, бесплоднаго пустословія. Ваше предчувствіе скоро оправдывается. Священнодѣйствіе доведено до невозможнаго минимума, почти все оно замѣнено приторно-слащавымъ речитативомъ бездарныхъ кантатъ Лютера, лишенныхъ всякой силы, всякаго духа, всякой жизни... Вы не молитесь, читая и воспѣвая эти кантаты, а умиленно поучаетесь чему-то вамъ непонятному, чуждому, ненужному, противно самодовольному. Но вотъ появляется проповѣдникъ-пасторъ и своею часовою проповѣдью окончательно убѣждаетъ васъ въ томъ, что вы — не въ храмѣ Божіемъ, не въ домѣ воспитанія, возгрѣванія и возвышенія релігіознаго чувства, а въ школѣ протестантскаго богословія и всѣхъ его тонкостей —, гдѣ по всѣмъ правиламъ логики и діалектики въ васъ вызываютъ буржуазное чувство самодовольства тѣмъ, что вы спасены и вамъ нѣтъ нужды съ усиліемъ входить въ Царство Божіе и *творить* правду. Такъ это и въ теоретической (догматической), и въ практической (канонической) сторонѣ протестантизма. Почитаніе святыхъ отринуто, молитвеннаго общенія съ загробными членами Церкви нѣтъ, таинства ограничены до минимума и превращены въ отвлеченнопоучительные символы для усвоенія плодотворныхъ истинъ, отвержена вся исторія Церкви, разорвана связь прошедшаго съ настоящимъ. наконецъ и сама видимая Церковь или земное Царство Божіе уничтожено и сведено къ единоличной особи каждаго вѣрующаго. Каждый христіанинъ есть выразитель и представитель Христа. Какого гласъ онъ долженъ выслушивать въ себѣ самомъ, не провѣряя себя соборнымъ самосознаніемъ всѣхъ членовъ царства Божія на землѣ. Каждый христіанинъ есть царь, священникъ и учитель себя самого... До полнаго отрицанія евангельской исторіи и историческаго Христа, до разрѣшенія всего въ символъ, мнѣ, идею, до обоготворенія каждой особи чловѣческой и возведенія ея въ самоискупителя. — остается

одинъ только шагъ, который и дѣлаетъ Страуссъ на почвѣ Гегелевскаго идеализма. Въ духовномъ лонѣ Лютера Гегель и Страуссъ заключались какъ уродливые, но постепенно-естественные выродки и исчадія протестантизма.

Перейдемъ теперь къ папизму. При входѣ въ костелъ васъ поразитъ живость статуй и картинъ, какъ будто небо перенесено сюда для соприсутствія при богослуженіи вмѣстѣ съ вѣрующими чадами земной Церкви. Но всмотритесь ближе, и вы замѣтите, что это перенесеніе неба на землю совершенно путемъ оземляненія неба, его оплотненія, матеріализаціи. Васъ удивляетъ этотъ художественный реализмъ позъ и выраженій, — эти Мадонны, нарисованныя съ натурщицъ, — эти статуи, убранныя въ современные костюмы, благодаря коимъ вы можете принять статую святаго за простаго живаго смертнаго. Тамъ вдали вы замѣчаете какъ будто фигуру крестьянина, подходите ближе, и каково-же ваше изумленіе, когда вы убѣдитесь, что это Христось... Христось, превращенный въ современнаго крестьянина, Мадонна съ натурщицы — не есть ли это уже маленькій Ренанъ въ зародышѣ, — Ренановскій Христось въ художественно-реальномъ видѣ Галилейскаго плотника-учителя... Но вотъ раздались звуки органа и капеллы. Вамъ невольно напоминается чувственность ветхозавѣтно-сѣноваго богослуженія, гусли и органы, трубные звуки и пѣсни, скаканіе и играніе (вспомнимъ Св. Витта и др.). А капелла заставляетъ васъ выслушивать звуки итальянскаго концерта совершенно въ стилѣ оперы, съ страстными выкрикиваніями соло и бурными порывами хора и органа... Вы не можете провести раздѣльной черты между храмомъ и театромъ... Но является патерьъ, и васъ еще болѣе поражаетъ театральная иллюзія: размѣренныя движенія, заученныя позы, искусственные жесты, театрално-произносимые возгласы... Вы готовы забыть, что видите священника въ храмѣ, а не актера въ театрѣ. Вся обстановка папистическаго храма, музыка, пѣніе, священнодѣйствія, церемоніи — все рассчитано на художественную реализацію религіознаго чувства въ плотночно-чувственныхъ формахъ, — на возбужденіе не возвышеннаго религіознаго чувства, а низменныхъ и земныхъ впечатлѣній плоти. Такому земному настроенію папистическаго храма и богослуженія вполнѣ отвѣчаютъ и присутствующіе бого-

мольцы. Если протестантъ чинно, съ чопорною холодною и внимательно сидить въ киркѣ на скамьѣ, уткнувшись въ книжку, точь въ точь какъ прилежный школьникъ: то въ папистическомъ костелѣ вы постоянно встрѣтите или ползущую къ Мадоннѣ по ступенямъ богомолку или распростертаго долу богомольца. Невольно закрадывается мысль о ветхозавѣтномъ рабствѣ нравственно-религіознаго сознанія, объ отсутствіи чувства сыновняго дерзновенія предъ Богомъ, о забвеніи словъ Великаго Апостола, что Господь есть Духъ, а гдѣ духъ Господень, тамъ свобода; мы же всѣ открытымъ лицомъ взираемъ на славу Господню, преображаясь въ тотъ же образъ отъ славы въ славу какъ отъ Господня Духа (2 Кор. 3, 17—18). Напомнимъ также религіозныя мистеріи папистическія, представляющія уже не подобіе театру, а дѣйствительный театр. Тоже и въ области догматико-канонической. Таинства мыслятся какъ материально-чувственные каналы, по которымъ льется благодать и которые отпираетъ и запираетъ священникъ. Почитаніе святыхъ утилизировано въ какую-то копилку (сокровищницу) сверхдолжныхъ дѣлъ, изъ которой, въ случаѣ нужды, можетъ позаимствоваться заслуживающій сего и благонадежный папистъ. Сюда же надо присоединить ученіе о чистилищѣ, основанное на матеріализаціи загробнаго состоянія душъ и на превратно чувственномъ пониманіи силы и дѣйственности ходатайства Соборной Церкви для всѣхъ ея отдѣльныхъ членовъ. Наконецъ, когда искренно и глубоко-вѣрующій папистъ, съ полнымъ подобострастіемъ и неумѣстнымъ благоговѣніемъ, лобзаетъ туфлю Римскаго первосвященника, считаетъ за святыню всякія реликвіи папы, совершаетъ тысяче-верстныя паломничества для того, чтобы получить индульгенцію отъ Святаго Отца: то не должно ли это все и подобное вызывать въ насъ мысль, что земной глава Церкви оттѣснилъ тутъ и затмилъ Небесную Главу,— что, лобызая туфлю папы и простираясь предъ нимъ въ прахъ, папистъ забываетъ о Христѣ, невидимо живущемъ въ Церкви и управляющемъ ею,— что тутъ Христось-Богочеловѣкъ превращенъ въ папу-человѣка?.. Но каково-же будетъ ваше изумленіе, когда вы узнаете, что эта подмѣна Христа папою канонизована католицизмомъ въ догматѣ о главенствѣ папы и его непогрѣшимости. Тѣ свойства, ко-

торыя должны принадлежать всей видимой и соборной Церкви подъ началомъ невидимой и непогрѣшимой Главы— Христа, папизмъ переносить на Римскаго первосвященника, такъ что для Христа Самого и для соборнаго самосознанія всей Церкви уже рѣшительно ничего не остается, кромѣ лишенныхъ содержанія и силы словъ и титуловъ. Все сосредоточено въ лицѣ одного человѣка: Христось, Церковь, вѣра, спасеніе и пр. и пр. Посему: не есть-ли это превращеніе Христа-Богочеловѣка въ папу-человѣка такая-же своего рода карриатура, какую находимъ мы и въ художественномъ реализмѣ Ренановскаго превращенія Христа-Богочеловѣка въ Галилейскаго учителя-человѣка?

Иначе обстоитъ дѣло въ Греко-Русскомъ Православіи, представляющемъ истинную средину между обѣими крайностями. Нерѣдко приходилось намъ слышать, что Православіе есть искусственное только и лишенное своего собственнаго положительнаго содержанія отрицаніе двухъ противоположностей, — невозможная и безсодержательная точка безразличія между двумя полюсами. Такія рѣчи и мысли принадлежать тѣмъ пустымъ критиканамъ, которые не привыкли долго и глубоко задумываться надъ историческими явленіями вообще и религіозно-нравственными въ частности, — которые хватаютъ острыя и пикантныя сужденія безъ самобытнаго ихъ переживанія и самодѣтельной провѣрки. Въ сущности-же этимъ высказывается глубочайшая истина Православія. Истина, какъ и сама жизнь, именно и состоитъ въ срединѣ между крайностями идеализма и реализма. Опредѣляется она тѣми *краями*, въ которыхъ *идея становится вещью*, *ges*, т. е. совершается жизнь, — и за которыми начинается туманная область отвлеченныхъ *идей* съ одной стороны и неподвижная страна мертвыхъ *вещей* съ другой стороны. Если отвлеченная идея, сама въ себѣ, отрѣшенно отъ предмета и жизни, есть фантомъ, неуловимый какъ греза, постоянно колеблющійся, видоизмѣняющійся и разсѣвающійся въ туманѣ абстракціи: то напротивъ предметъ, ставшій *вещью* или *ges*, т. е. липившійся *своей* идеи и жизни, есть окаменѣлость, съ опредѣленными и неизмѣнно-правильными геометрическими формами, подлежащими всевозможному произволу экспериментации. Въ срединѣ между этими крайностями стоитъ истина

жизни. Истина и жизнь не могутъ быть разрѣшаемы въ чистую идею безъ того, чтобы не потеряться въ туманѣ отвлеченнаго небытія,—какъ не могутъ быть онѣ превращаемы и въ вещь—*ges* безъ того, чтобы не обратиться въ неподвижно-мертвую окаменѣлость. Истина какъ и сама жизнь занимаетъ средину между неустойчивостью идеи и неподвижностію вещи. Истина, какъ и сама жизнь, не можетъ быть заключена въ одну неизмѣнную формулу, опредѣлена одною геометрическою фигурою и быть обращена въ отчетливо-правильный кристалль. Это.—особенность только мертвыхъ *вещей*. Какъ и сама жизнь, истина имѣетъ только общіе предѣлы или извѣстныя типическія черты, за которыми начинаются крайности заблужденій, но въ предѣлахъ которыхъ она есть подвижная, живая, дѣйственная сила. Опредѣлять поэтому истину какъ и жизнь можно только *догматически*, указаніемъ тѣхъ предѣльныхъ чертъ, за коими начинается ложь,—опредѣленіемъ типа, канона, правила общаго, а не тѣхъ частныхъ, подвижныхъ и неуловимыхъ вдоизмѣненій и примѣненій, которыя свойственны всякой живой и дѣйственной истинѣ. Истина и жизнь суть тайна, не подлежащая произволу экспериментатора,—и гдѣ начинается анатомическое и всякое другое разложеніе (анализъ), тамъ жизнь уже перешла въ смерть, организмъ сталъ трупомъ.

Таковъ смыслъ и значеніе православнаго „нераздѣльно и неслиянно“, которое не только не заслуживаетъ злословія со стороны недомысленныхъ критиковъ-отрицателей, но представляетъ открытіе или исповѣданіе одной изъ величайшихъ тайнъ нравственно-религіозной истины человѣчества. Православно-соборное вѣросознаніе выразило тутъ непреложную истину не только всегдашней и неизмѣнной общехристіанской религіозной вѣры, но и общечеловѣческаго богосознанія, поскольку душа каждаго человѣка есть христіанка по природѣ. Спаситель человѣчества есть Богочеловѣкъ, во единомъ лицѣ соединяющій Бога и человѣка нераздѣльно и неслиянно: вотъ истина, безъ которой нѣтъ ни Бога, ни человека, жизни, смысла, правды... Если *слиянно*, такъ чело-вѣчество теряетъ свою личность, свою жизнь и свое бытіе въ безграничной пустотѣ какой-то непонятной и бессмысленной игры случая. Если *раздѣльно*, такъ человѣкъ остается

безъ божества, становится самобогомъ и, какъ ничтожность, исчезаетъ въ общемъ небытіи — безконечномъ, безначальномъ, бессмысленномъ и невозможномъ.

Такимъ заявило себя Православіе въ древнюю эпоху христологическихъ ересей, такимъ является оно и понынѣ, въ сравненіи съ протестантизмомъ и папизмомъ.

Возьмемъ-ли догматико-каноническую область, и мы увидимъ, что Православіе идетъ серединою между крайностями западныхъ исповѣданій. Если въ протестантизмѣ каждый вѣрующій представляетъ собою Церковь и носить въ себѣ всего Христа, а въ папизмѣ Церковь и Христосъ сосредоточены въ лицѣ одного папы: то въ Православіи представителемъ Церкви служитъ Соборъ, т. е. не всякій безъ исключенія членъ Церкви и не одинъ только папа, но избранные и довѣренные представители и выразители общецерковнаго вѣросознанія, при томъ соборне, въ братскомъ, дѣйствительномъ и дѣйственно-живомъ общеніи между собою. Православная Церковь есть соборная, а не деспотическая какъ папизмъ и не анархическая какъ протестантизмъ; истина тутъ именно въ братскомъ и именно въ дѣйственномъ общеніи между собою всѣхъ безъ исключенія членовъ Церкви, въ ея жизненно-органической соборности (Ефес. 4, 11—16). Тоже и въ ученіи о благодати и таинствахъ, особенно по отношенію къ евхаристіи. У протестантовъ евхаристія превращена почти въ простой назидательный символъ, почти въ гоимлетическое средство наученія вѣрующихъ. Паписты-же готовы видѣть въ таинствѣ евхаристіи внѣшне-магическое и единичное дѣйствіе благодати на вѣрующаго, допуская по этому тайную мессу. Въ Православіи, напротивъ, евхаристія есть *таинство собранія*, (*μυστήριον συνάξεως*), — тайна приобщенія тѣлу и крови Христа именно *въ собраніи* вѣрующихъ, въ ихъ взаимной любви, въ ихъ соборно-органическомъ единеніи и братскомъ общеніи. Православный священникъ не можетъ служить тайной или тихой литургіи неслышнымъ шопотомъ. Тоже — въ ученіи о загробной Церкви и въ молитвахъ Церкви за отдѣльныхъ членовъ своихъ, живыхъ и умершихъ. Если у протестантовъ ходатайство святыхъ и молитвы за умершихъ совсѣмъ отринуты, а у папистовъ это матеріализовано и утилизировано въ сокровищницу сверхдолжныхъ дѣлъ, въ

индугенцію и въ чистилище,—то иначе обстоитъ дѣло у православныхъ: ученіе о ходатайствѣ Святыхъ служить у насъ выраженіемъ той непреложной истины, что смерть и обращеніе плоти въ персть не можетъ прерывать органическое единство вѣрующихъ душъ и духовныя связи. Также и дѣйственность общецерковныхъ молитвъ за живыхъ и умершихъ основывается на этомъ нераздѣльно-органическомъ единеніи видимой и невидимой Церкви и на значеніи общецерковнаго подъема религіознаго чувства и святости для отдѣльныхъ членовъ Церкви, т. е. молитвенно восторгаясь къ Богу и поднимая горѣ, ближе къ небесамъ, общій уровень своей святости, вся Церковь соборно возноситъ съ собою и каждого своего отдѣльнаго члена. Молитвы и ходатайство Церкви за отдѣльныхъ чадъ своихъ имѣютъ дѣйственность, подобную той, какою, напримѣръ, подъемъ общаго благосостоянія тѣсно-сплоченной семьи сопровождается для каждого домочадца особо.

Такъ это и въ богослуженіи. При входѣ въ старинный, истово-православный и русскій храмъ, вы сразу-же чувствуете, что это — не церковно-приходская школа для взрослыхъ и не религіозный театръ, но именно домъ Божій, домъ святыхъ, домъ молитвеннаго созерцанія и возношенія сердецъ горѣ, отложенія всякихъ понеченій житейскихъ, всего суетно-мірскаго, плотянаго. Тайственный полумракъ, съ мерцающими лампадами и свѣчами, этими дарами и знаками любви къ Богу со стороны вѣрующихъ,—не раздражаетъ ваши глаза рѣзкими и храму не подобающими свѣтовыми эффектами, напротивъ—успокоительно дѣйствуетъ на взволнованную душу, какъ бы знаменуя тотъ не вечерній и не заходимый свѣтъ, какой свѣтитъ въ царствѣ Отца Небеснаго. Лики святыхъ спокойныя, безъ всякихъ эффектныхъ сценъ, рѣзкихъ позъ, вычурныхъ одѣваній,—отрѣшенные всякой чувственности, болѣе символическіе, чѣмъ реально-художественныя, — какъ будто смотрятъ на васъ изъ-за пренебесной своей страны духа, святости, неизмѣнной правды и блаженнѣйшаго покоя... Пѣніе ровное, спокойное, мелодично-стройное, тихое, безъ рѣзкихъ криковъ и раздражающихъ слухъ завываній, — способное укрощать душевныя страсти современныхъ Сауловъ и утишать сердечныя бури взволнованныхъ самолюбцевъ и самоистерзан-

ныхъ завистниковъ. Священнодѣйствія спокойныя, безъ театральныхъ жестовъ и искусственныхъ интонацій, полныя глубокаго религіознаго символизма — внушаютъ невольное чувство благоговѣнія и совершаютъ блаженный подъемъ сердець горѣ... И дѣйствительно, присутствующіе не сидятъ какъ школьники на своихъ скамьяхъ съ устремленными въ книжку глазами, — не простираются ницъ, не ползаютъ рабски во прахъ, но стоятъ *прости*, готовые внимать словамъ божественной премудрости, съ сердцемъ, горящимъ пренебеснымъ огнемъ и устремленнымъ горѣ... Подлинно, все въ истоно-православномъ храмѣ, при истоно-православномъ богослуженіи и съ истоно-православными богомольцами возноситъ васъ отъ земли къ небу, отъ плоти къ духу, отъ юдоли плача, страданій, скрежета зубовъ, зависти, эгоизма, зла всякаго рода — въ райскую обитель мира, любви, добра, блаженства, идѣже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но вѣчный покой и жизнь безконечная.

Такъ это и въ искусствѣ. Православно-соборное вѣросознаніе Восточно-Русской Церкви никогда и никакихъ калеваній не имѣло относительно того, что образъ Богочеловѣка не долженъ и не можетъ подлежать реально-художественному воспроизверенію никакого человѣческаго искусства. Для наглядно-реальнаго изображенія Богочеловѣка нѣтъ и быть не можетъ у человѣка ни соотвѣтствующихъ красокъ, ни звуковъ, ни словъ; ибо никакими звуками человѣческой музыки, никакими словами человѣческаго языка, никакими движеніями рукъ и глазъ человѣческихъ невозможно возсоздать образъ Богочеловѣка, дать выраженіе безгрѣшной души Искупителя, изобразить нараздѣльное и неслянное единеніе Божества и человѣчества въ лицѣ воплотившагося Сына Божія, — начертать такое тѣло, которое могло исчезать, ходить по водѣ, сіять небеснымъ свѣтомъ, въ состояніи смерти источать живую кровь, воскреснуть проникать чрезъ затворенныя двери, вознестись на небо одесную Отца, присутствовать повсемѣстно среди вѣрующихъ на землѣ въ евхаристіи.

Выраженіемъ православнаго вѣросознанія относительно этого можетъ служить извѣстное сказаніе объ Эдесскомъ правителѣ Авгарѣ, пожелавшемъ имѣть изображеніе Хри-

ста и для сей цѣли пославшемъ своего художника въ Палестину. Тщетное желаніе!.. Гений человѣческаго художника не въ состояніи былъ уловить ни единой черты богочеловѣческаго лика, которую онъ могъ бы запечатлѣть своими руками на полотнѣ, ибо для сего надо бы было умертвить эту черту, превратить въ мертвую окаменѣлость, а между тѣмъ во Христѣ все было жизнь, движеніе, и Онъ былъ Сама Жизнь... Только Самъ Христосъ могъ создать *нерукотворенный* образъ Своего безгрѣшнаго Лица, -- т. е. отнюдь не реально-художественную *картину*, а именно только *образъ-икону*, религиозно-символическое изображеніе, къ коему не прикоснулась нечистая рука грѣшнаго художника и не положила ни единой, не только грѣшной, а даже и какой либо реально-человѣческой (т. е. мелочной) черты.

Безспорно, въ этомъ сказаніи выражается одна изъ глубокихъ истинъ православно-религіознаго вѣросознанія. Въ древнѣйшее время Церковь предпочитала символическія изображенія Христа—въ видѣ монограммы, агнца, рыбы... А позднѣе, съ широкимъ развитіемъ христіанскаго искусства, мы встрѣчаемъ всегда только однообразно-правильные и условно-символическіе *образы* Христа, безъ этихъ, *чисто* человѣческихъ, чертъ западнаго реализма, такъ близкаго къ Ренановой карриатурѣ. Православная Церковь строго слѣдила за святостію изображеній Христа, предписывая для сего строго-опредѣленные правила художникамъ. Говоря иначе: истое Православіе знаетъ только *образъ* или *икону* Христа, а не *картину*, не *портретъ*.

Поучительно въ этомъ отношеніи сравнить убрусы восточно-православный и западно-папистическій. На убрусѣ Вероники мы имѣемъ реально-чувственное изображеніе страдальческаго, и *чисто* человѣческаго лика Христа, даже окровавленнаго,—а на убрусѣ, исцѣлившемъ Авгаря, мы созерцаемъ свѣтло-божественный и чудодѣйственный ликъ Христа. Такъ это и въ отношеніи къ Богоматери. Мадонна, нарисованная при посредствѣ натурщицы и разряженная въ національный костюмъ можетъ возбуждать только чувство отвращенія въ истово-православномъ человѣкѣ. Ликъ Богоматери и Божественнаго Младенца въ нашей Церкви имѣетъ всегда строго-опредѣленный видъ иконы, а не

портрета или картины. Такъ и въ отношеніи ко всѣмъ святымъ. Православіе вовсе не желаетъ знать, напримѣръ, какъ напряжены были мускулы и какое выраженіе имѣли глаза Св. Николая, когда онъ ударялъ, въ порывѣ своей священной ревности, нечестиваго Арія ¹⁾. Православный желаетъ созерцать чудотворца не такимъ, какимъ онъ былъ когда-то въ извѣстный моментъ своей жизни во плоти и уже пересталъ быть такимъ, но такимъ, каковъ онъ теперь, т. е. какъ Угодника Божія, помощника вѣрующихъ въ нуждахъ и молитвенника за нихъ предъ Богомъ. Въ этомъ созерцаніи нѣтъ мѣста никакому реализму, никакой чувственности, никакой плотяности.

Говоря общѣе: крайній реализмъ односторонне направляется къ тому, что *было* (что умерло, чего уже нѣтъ и быть не должно),—а крайній идеализмъ односторонне желаетъ того, что *будетъ* (чего слѣдовательно нѣтъ пока и быть пока не должно—свойственное протестантизму увлеченіе апокалиптикою), — напротивъ истина и православіе суть то, что *есть и быть должно*, ибо истина и жизнь есть вѣчное настоящее, стройно и соразмѣрно примиряющее въ себѣ прошедшее и будущее, какъ опредѣляющееся этимъ прошедшимъ (реализмъ) и будущимъ (идеализмъ).

Въ частности Русская Церковь до послѣдняго времени строго слѣдовала завѣтамъ истиннаго православія, допуская иконы—образа, а не картины и портреты съ натуры. Частныя исключенія въ копіяхъ съ западно-папистическихъ оригиналовъ и въ оригинально-русскихъ изображеніяхъ Христа въ видѣ *еврейскаго* учителя—суть только измѣны завѣтамъ русскаго православія и каррикатуры въ стилѣ Ренана. Подлинный православно-русскій геній отвращается отъ этихъ картинокъ, не узнаетъ въ нихъ ни Христа, ни Богородицы,—считаетъ ихъ за профанацію святаго святыя Православія.

Поучителенъ тутъ примѣръ Иванова особенно потому, что ео школою западнаго реализма онъ соединялъ истинно-русскій геній и истоново-православное вѣросознаніе. Всмотритесь въ это великое созданіе русскаго художника, какое представ-

¹⁾ Говоримъ это примѣрно, ибо не знаемъ такой картины у католиковъ.

ляетъ собою картина: „явленіе Христа міру“. Мощный, полный движенія и выразительности образъ Крестителя, представляющій олицетвореніе пророческаго „гласа вопіющаго въ пустынѣ“, пораженные то наивно-дѣтскимъ, то спокойно - торжественнымъ, то благоговѣнно - смиреннымъ ожиданіемъ провозглашаемаго Агнца Божія слушатели и ученики пророка пустыни; вся обстановка картины, въ частности—все дышетъ жизнью, наглядно, реально, — все это какъ бы живымъ взято изъ-за дали вѣковъ, мѣстъ и народовъ съ дѣйствительно-исторической почвы и цѣликомъ перенесено на полотно великимъ русскимъ художникомъ кисти и красокъ. Но, владѣя даромъ открывать и изрекать языкомъ красокъ самыя глубочайшія тайны человѣческой души и самыя сокровеннѣйшія святая святыхъ нравственно религіознаго генія человѣческаго, великій художникъ русскій оказался немогущимъ въ отношеніи къ образу Христа—средоточію всей картины. Истово-православный религіозный геній громко говорилъ художнику, что изобразить Христа въ *реально-художественномъ* видѣ, хотя бы и съ привлекательнымъ, но все же *только* типично - человѣческимъ лицомъ сирійца или даже іудея, значило бы все обратиться въ Ренаповскую карриатуру. Среди этихъ будущихъ благовѣстниковъ и апостоловъ вселенной, въ сравненіи съ этимъ великимъ образомъ пророка въ духѣ и силѣ Иліи — Ренаповскій Христосъ оказался бы лишь обычнымъ еврейскимъ раввиномъ, а не Искупителемъ міра и не Богочеловѣкомъ. Религіозный геній подсказалъ православному художнику, какъ нельзя изобразить Христа, но онъ не могъ дать ему отвѣта на вопросъ: какъ должно изобразить Христа въ этой реально художественной обстановкѣ картины, потому что Христосъ, въ этомъ смыслѣ, не описуемъ и не изобразимъ. Стоящій вдали, незаконченный и даже второстепенный, туманно-неопредѣленный образъ Грядущаго Агнца Божія и Искупителя - Богочеловѣка на картинѣ Иванова болѣе приближается къ православно-символической иконописи, чѣмъ къ западному художественному реализму всей картины. Отринувъ все несвойственное Безгрѣшному Богочеловѣку, сильный религіозный геній очевидно не далъ и дать не могъ нашему художнику, въ замѣнъ отринутаго, никакихъ

реально художественныхъ и положительныхъ чертъ для воспроизведенія Неописуемаго. Поэтому картина еще болѣе имѣла бы величія и гениальности, если-бы художникъ еще менѣе опредѣленно или *чисто* человѣческихъ и такъ называемыхъ реально-типичныхъ чертъ положилъ на ликъ Безгрѣшнаго Искупителя и еще далѣе-далѣе отодвинулъ бы неизобразимаго Богочеловѣка отъ историческаго реализма всей картины.

Такъ это въ живописи, такъ это и въ словѣ. Никакихъ повѣйшихъ „жизней, жизнеописаній, характеристикъ (Charakterbild), исторій Иисуса изъ Нацары“ и под. Православная Церковь не знала и доселѣ не вѣдаетъ. Допуская и освящая въ извѣстныхъ границахъ художественное творчество по отношенію къ Пресвятой Дѣвѣ, Апостоламъ, виѣвангельской жизни Христа (апокрифы), Церковь знала искупительное дѣло и лицо Спасителя только по одному благовѣстію апостольскому, на вѣки запечатлѣнному въ нашихъ четырехъ каноническихъ евангеліяхъ. Понятна причина. Какъ начертаніе лика Спасителя оказалось не во власти рукотворнаго искусства человѣческаго и потребовало божественнаго чудотворенія: такъ и изображеніе Безгрѣшнаго Богочеловѣка въ словѣ не можетъ быть дѣломъ обычно-человѣческаго гениа или естественнаго вдохновенія, но требуетъ сверхъестественнаго акта богодуховности. Никакой человѣческой гении не можетъ обладать ни такую силою воображенія, чтобы даже съ болѣе или менѣе приблизительно-достаточною наглядностію воспроизвести образъ Богочеловѣка,—ни такую гибкостію и обиліемъ рѣчи, чтобы передать этотъ образъ въ звукахъ и словахъ. Человѣкъ, самъ по себѣ, всегда воспроизведетъ только человѣка, а не Богочеловѣка,—слѣдовательно только оземлянитъ, принизитъ и затемнитъ пренебесный, превышній и пресвѣтлый образъ Богочеловѣка прикосновеніемъ къ Нему своей грѣховной мысли, нечистаго воображенія и земной рѣчи. Вотъ почему, допуская художественно-научное воспроизведеніе историко-человѣческой *обстановки* и земныхъ *условій* Евангелія, въ отношеніи къ Самому Христу Церковь ревностно оберегала неприкосновенность четверо-евангелія, какъ единственно возможнаго и единственно потребнаго для хри-

стианъ начертанія Искушителя-Богочеловѣка въ Его словахъ и дѣлахъ. Въ первыхъ трехъ евангеліяхъ, называвшихся у древнихъ „*телѣсными*“ (*σαρκικὰ*), Церковь видѣла изображеніе (*преимущественно*, а не исключительно) человеческой стороны Богочеловѣка, а въ четвертомъ евангеліи, называвшемся „*духовнымъ*“ (*πνευματικόν*), — начертаніе, въ потребной и доступно человѣку мѣрѣ, (опять *преимущественно*, а не исключительно) божественной стороны Богочеловѣка. Строгость Церкви въ этомъ отношеніи простирается даже до того, что она не только не приняла въ свое употребленіе, но даже вообще и не одобрила ни древнихъ сводовъ четырехъ евангелій въ одно (Θеофилъ, Таціанъ), ни новѣйшихъ попытокъ „сравнительнаго обзора четвероевангелія“. Церковь всегда берегла и доселѣ хранитъ, какъ завѣтную святыню, евангелія Св. Апостоловъ въ неприкосновенномъ видѣ, справедливо полагая, что всякое прикосновеніе къ этой святынѣ со стороны теперешнихъ ученыхъ мудрецовъ и художниковъ можетъ лишь затемнить начертанный въ нихъ пресвѣтлый образъ нашего Искушителя. Вѣдь Евангелисты и Апостолы благовѣствовали устно и письменнo то, что они видѣли своими очами, что осязали своими руками, что слышали самолично (1 Іоан. 1, 1—4; Дѣян. I, 21—22). Кромѣ того, они имѣли въ себѣ Духа—Утѣшителя, Котораго послалъ имъ Отецъ во имя Сына и который вспоминалъ имъ все, что совершалъ и чему училъ Христось (Іоан. 14, 26). Какой же изъ современныхъ ученыхъ художниковъ дерзнетъ сказать о себѣ, что онъ какъ *видѣвый свидѣтельствовавъ* (Іоан. 19, 35) и что Духъ вспомнилъ ему то, чему училъ и что совершалъ Христось?.. Не создавъ въ теченіи девятнадцати вѣковъ ничего, подобнаго не только реально-художественной Ренановой Жизни Иисуса или Шенкелевской „Характеристикѣ Иисуса“, или Кеймовской „Исторіи Иисуса изъ Нацара“, но даже, и Фарраровской или Дидоновской „Жизни Иисуса Христа“, Православно-соборное вѣросознаніе Восточной Церкви знало, знаетъ и, безъ сомнѣнія, будетъ знать только одно и единственное, неподражаемо правдивое, возвышенно простое, удобопонятное и увлекательное для всѣхъ людей, говорящихъ на всѣхъ языкахъ и принадлежащихъ всѣмъ наро-

дамъ, художественно-богодуховенное „Евангеліе Іисуса Христа Сына Божія“ (Марк. I. 1).

Должно стать теперь понятнымъ, какимъ образомъ Ренанъ своимъ художественно-историческимъ реализмомъ и восторженными привѣтствіями несравненнаго въ лицѣ Христа учителя нравственности и великаго галилейскаго пророка совершаетъ въ сущности не иное что, какъ лобзаніе Іудино съ предательскимъ: *радуѣси, Равви!* Привѣтствуя и восхваляя дѣло и ученіе Христа, Ренанъ въ лицѣ Богочеловѣка предаетъ современнымъ антихристамъ все истинно-человѣческое и истинно-божественное, дѣйствительную утѣху Израилеву, все святое и доброе, безъ чего для человѣка нѣтъ правды, блаженства, жизни. Ренанъ выдаетъ Христа и самъ переходитъ къ тѣмъ, у кого на мѣсто Бога поставлена судьба, на мѣсто Богочеловѣка человѣкъ, на мѣсто неба земля, на мѣсто любви и разума—безсмысленная игра случая и эгоизмъ чувственности, на мѣсто жизни и блаженства—смерть и отчаяніе, на мѣсто духа животворящаго—плоть нмало не пользующая и письма убивающая (Іоан. 6, 63; 2 Кор. 3, 6).

Но вѣдь Іуда Предатель былъ не одинокъ. За нимъ стояли не только судьи и распинатели Христа, кричавшіе: „повиненъ смерти, распни Его“ и пр. (Іоан. 19, 6—7 и др.),—не только въ продолженіе общественнаго служенія Христа не разъ покушавшіеся на Его жизнь (Мѡ. 2, 16, Лк. 4, 29, Іоан. 7, 44,—8, 59 и др.), но и просто лишь не принимавшіе Его, изгонявшіе отъ себя (Мате. 8, 34 и др.), соблазнявшіеся словами Его, которыя суть духъ, а не плоть (Іоан. 6, 63),—говорившіе: „какія странныя слова, кто можетъ это слушать“, и отходившіе отъ Него (Іоан. 60, 66 и др.),—даже тѣ, коимъ Самъ Онъ лишь не ввѣрялъ Себя, ибо зналъ, что въ человѣкѣ (Іоан. 2, 24). Такимъ образомъ Іуда Предатель былъ выразителемъ всего антихристова направленія іудейской націи, даже всего антихристіанскаго человѣчества.

Такъ и современные предатели Христа не одиноки. Если идеализмъ Гегеля и міеологизмъ Страусса суть уродливыя порожденія германскаго протестантизма, то позитивизмъ Конта и реализмъ Ренана суть тернія, возросшія на почвѣ

романскаго папизма. Зародышъ ренанизма мы находимъ въ папистическомъ реализмѣ догмы, канона, культа, церковной музыки и живописи... Только слѣпецъ или не желающій могутъ не признать незаконно-уродливаго, но естественно-историческаго исчадія папизма во всемъ этомъ научно-художественномъ реализмѣ, въ этихъ пресловутыхъ благочестивыхъ обманахъ, въ этихъ яко бы необходимыхъ уступкахъ антихристіанскимъ проявленіямъ человѣческой природы, въ этихъ всевозможныхъ примѣненіяхъ ко всемъ и всему, въ этихъ облаченіяхъ Христа одеждами Будды якобы во славу Божию и ради добрыхъ цѣлей миссіонерства. — Во всей этой, такъ сказать, неопрятности нравственной казуистики папизма не видимъ ли мы, въ концѣ концовъ, плодотворную почву для Ренановскаго преданія Христа врагамъ изъ-за славы, честолюбія, гордыни, даже изъ за сребренниковъ?

Древній Предатель Христа, *„видѣвъ, яко осудиша Его, раскаявся, возврати сребренки, глаголя: согрѣшихъ, предавъ кровь неповинную... и шедъ удавися“* (Матѳ. 27, 3—11). Также и многіе сознательные и безсознательные единомышленники Предателя, дажѣ изъ тѣхъ, которые распинали Христа, *„слышавше ботодухновенное слово Ап. Петра, умилишася сердцемъ, любезно пріяша слово его, покались и крестились“* (Дѣян. 2, 36—41).

Умилился-ли сердцемъ и покается-ли протестантско-папистическій западъ, вопреки желаніямъ своимъ, но съ естественно-историческою необходимостію порождающій Страусовъ и Ренановъ, какъ плоть отъ плоти своей и кость отъ костей своихъ,—этого мы, конечно, не знаемъ и знать не можемъ. Но то съ несомнѣтельностью извѣстно, что, предавъ Богочеловѣка, ни Страуссъ ни Ренанъ не раскаялись въ преданіи крови неповинной и не впали въ самоубійственное отчаяніе. Напротивъ, Ренанъ прожилъ послѣ перваго изданія своей *Vie de Jésus* около тридцати лѣтъ, повидимому безъ всякихъ угрызений совѣсти и съ подлинно-торгашескимъ (буржуазнымъ) самодовольствомъ, которое русскіе остряки наименовали *жизнерадостнымъ скепсисомъ*, какъ будто бесплодный скепсисъ можетъ быть признакомъ жизни и даже радостной.

Въ этомъ наисущественнѣйшее отличіе нынѣшняго европейскаго предателя Христа—Эрнеста Ренана отъ древняго предателя іудейскаго—Иуды Искаріота.

М. Муретовъ.

(Послѣдуетъ продолженіе разбора Ренановой Жизни Іисуса съ точки зрѣнія научно-исторической и философско-метафизической).
